ВЛАДИМИР ДВОРЯНСКОВ

ПОКЛОНЕНИЕ РОДНИКАМ

КНИГА О СВЯТЫХ, ЦЕЛЕБНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Владимир Дворянсков

ПОКЛОНЕНИЕ РОДНИКАМ

книга о святых, целебных источниках

Ульяновск
Издательство
«Дом печати»
1993

ББК 26.891
Д-24

Художник М. Ванина

Д $\frac{0503020901\text{-}46}{К\ 54\ (03)\text{-}93}$ БЕЗ ОБЪЯВЛ.

©В. Дворянсков, 1993
Издательство
©«Дом печати», 1993

ISBN5-900153-24-X

Автор сердечно благодарит главу администрации области Юрия Фроловича Горячева за поддержку и материальную помощь в издании книги.

В книге писателя Владимира Дворянскова рассказывается о святых родниках Ульяновской области, целительность которых опробована народом в течение веков.

ЖИВАЯ ВОДА

Сейчас много пишут о разрушении в недавнем прошлом церквей, священных храмов.

Об осквернении других заветных мест не читал пока что нигде. Я имею в виду — святые родники, заповедные источники. Самых известных, целебных из них — не так уж и много. В нашей области знаю лишь два: в Сурском, на Белой горе, и в районе Тушны, недалеко от древнего могучего и загадочного лесного массива Тюбяк.

В былые годы к Тушнинскому источнику приходили паломники не только из собственной губернии, но также издалека, из других городов и весей нашей земли. И по воспоминаниям старожилов, эта чистая, хрустальная, живая вода многим дала облегчение, а некоторых полностью исцелила...

Ну, а что произошло дальше с этим источником и хочу рассказать.

* * *

Видимо, давно это было. Очень давно. Осталось лишь предание, которое переходило от поколения к поколению, от бабушек с дедушками — к внукам. Суть его в том, что однажды за селом, на бугре, на самой его вершине, проступила вода («пробилась ни с того ни с сего»), и на дне образовавшегося колодца явственно проявились очертания иконы Параскевы-мученицы. Как гласит легенда, этим моментом и обозначено рождение целебного источника.

Как это было точно, — на самом деле, — теперь уже не узнаешь, не расспросишь того, кто первым увидел на взгорке воду, не побеседуешь с очевидцами.

А вот о возникновении другого подобного источника (правда, менее известного и популярного) мне посчастливилось услышать из первых уст. От пожилой женщины. В молодости с семьей жила она в лесу: муж работал лесником.

Однажды вечером вышла на ближнюю полянку то ли грибов пособирать, то ли ягод. За полчаса набрала полную корзинку и направилась по тропинке домой. И вдруг совсем рядом, в небольшом отдалении перед ней возник огненный столб, вернее, — светящийся изнутри шар с уходящими к земле яркими, слепящими лучами (в этом месте рассказа у меня вдруг возникла сама собой догадка: стоп, ведь в этом

сходство с описаниями «летающих тарелок»... Но я не стал делать скороспешных предположений и выводов и продолжал слушать рассказ дальше).

Женщина испугалась, обмерла от этого видения. Но не давая ей опомниться, в вечерней лесной тишине прорезался голос: «Вспомни Петра и Павла и иди за мной». И шар стал удаляться вправо, вглубь леса.

От испуга женщина уронила на землю корзину, позабыв про все грибы-ягоды, и бросилась к дому. Муж был в избе, она сбивчиво, перескакивая с одного на другое, рассказала ему обо всем, что видела. До конца он ничего не понял, но суть уловил: случилось что-то необычное, странное.

Они вдвоем вышли на крыльцо. Шар медленно удалялся. И вдруг на какое-то время остановился, вспыхнул еще ярче и стал постепенно исчезать, поднимаясь все выше и выше. И вскоре — вовсе пропал.

Они подождали немного и, хотя было страшновато, пошли к тому месту, где шар остановился. И вдруг наткнулись на небольшое углубление, которое наполнялось водой. Вскоре ямка переполнилась, и из нее робко заструился ручеек.

Но главное: днем и она, и муж проходили по нескольку раз мимо этого места, и ничего здесь не было, — пустота. И вот — родник.

Она вздохнула, помолчала немного и заключила свой рассказ:

— Я раньше как-то не верила, что такое может произойти. Но это на моих глазах все случилось.

Я тоже не очень-то поверил этому повествованию. Уж слишком все — чудодейственно и загадочно в нем. Потому сразу хотелось отмахнуться: мол, вымысел все это, враки.

Правда, смущало одно обстоятельство: женщина была человеком достойным, уважаемым, — ни разу не замеченная в выдумке или в обмане. Потом — и другое. С тех пор соседние села часто берут из ручья воду. Вода прекрасная, — жители не нарадуются. Поэтому и закралась мысль: а вдруг и на самом деле что-то было...

Ведь у нас за десятки лет выработалось какое-то непомерное самомнение, просто хамская самоуверенность, все-то мы знаем-ведаем, да все нам подвластно. Лишь недавно, например, мы категорически отрицали и экстрасенсов, и астрологов-предсказателей, а сегодня они подолгу вещают с экранов телевизоров на миллионную аудиторию.

Известный советский астрофизик как-то сказал: чтобы определить и не забывать свое место во Вселенной, чтобы не зазнаваться, человеку нужно почаще смотреть на звезды. А мы как раз очень редко смотрели на небесные светила и потому потеряли ориентиры, утратили чувство соразмерности.

Думается, что из-за самоуверенности была предрешена и судьба Тушнинского родника.

Раньше в день Параскевы-мученицы в Тушне собиралась тьма народу со всех ближних и дальних сторон. Шумела, торговалась и веселилась ярмарка. Даже балаган был. Петрушка смешил и детей, и взрослых. А потом со священником все шли к роднику. Там стояла просторная, светлая часовня, а внутри — деревянная статуя Параскевы (покровительницы плодородия и здоровья). Руки были распростерты, словно она была рада каждому и встречала каждого, а из рукавов струились родники. Из этих родничков и набирали воду. А ниже по течению люди, потерявшие здоровье, омывались в этом ручье.

Точной статистики не велось: скольким паломникам помогла вода, исцелив их. Но по народной молве — многим...

На самом деле, влага — удивительная... Налейте из крана воды (да из обыкновенного родника — можно тоже), сколько времени она у вас простоит, не испортившись?.. Не так уж и много. А эта будет стоять и два года, и больше, — и никакого постороннего запаха, никакого осадка, словно только что пробилась из земли.

Много чудесного рассказывают об этой воде. Да я и сам многому был свидетелем. Помню в детстве, когда малыш в зыбке надсаживался от плача, бабка брызгала на него заветной водой из кувшина, и он моментально успокаивался и тут же засыпал. Помню это с давних пор, а вот объяснить, почему так происходило, до сего времени не могу (тем более, обыкновенная вода в таких случаях почему-то не помогала).

Были и другие факты. Заболела одна женщина на селе: гасла не по дням, а по часам. Врачи опустили руки, все ждали скорой трагической развязки. И вдруг больная стала так же на глазах поправляться и выздоровела совершенно. Какой жизненный эликсир помог ей? Говорят, что она регулярно пила родниковую воду. Это, может быть, действительно так. Потому что опыт такой имелся. Когда в Тушне, «на горах», была еще жива больница, вдумчивый и неравнодушный врач распорядился, чтобы воду привозили больным. И что же, выздоровление наступало быстрее обычного.

В чем же секрет этой воды, в чем ее целебная сила? Верующие уверены, что в святости. Безбожники, атеисты — что в химическом составе (действительно, при исследовании в воде обнаружено большое количество серебра). Пусть бы так и было, был бы плюрализм мнений: пусть каждый верил в свое. А источником пользовались бы все.

Ведь испокон веков родники были священным местом для каждого верующего и неверующего, для любого жителя земли. Символом чистоты, непорочности, целомудрия. Недаром же в древности за дерево, срубленное у истока, порубщик приговаривался к смертной казни. Да и действительно, что есть важнее, святее на земле, — чем хлеб и вода. Вода даже главнее, ведь без нее не может и хлеб произрасти.

Но в недавнем прошлом общечеловеческие ценности были перечеркнуты и забыты напрочь.

Не обошла беда и родник. Особенно рьяным, «воинствующим безбожником» в тридцатых годах был один местный руководитель (не буду называть его фамилию). Это по его распоряжению к роднику пришли новые «поломники» (от слова — ломать). С топорами да ломами. За одно мгновение они снесли и часовню, и статую, — осквернили родник. С этого времени и началась мученическая судьба ни в чем не повинного родника. Каждое поколение начальства придумывало свои изощренные методы борьбы с ним (и эта борьба продолжалась почти до сегодняшнего дня, — всего несколько лет назад он был реабилитирован). Назову лишь некоторые, самые характерные из них.

Активисты антирелигиозной борьбы травили его нефтепродуктами. Накануне дня Параскевы-Пятницы привозили к роднику бочку с мазутом, зачерпывали содержимое черным ведром, спускались осторожненько, чтобы не измазаться, и опрокидывали посудину над родниковым колодцем (поистине, не ведали, что творили). Чистая, как слезинка, вода мгновенно делалась черной, словно покрывалась трауром. Правда, через некоторое время мазут вымывался, и родник снова очищался, делался вроде бы еще чище. Тогда ухали следующее ведро, и опять с вожделением и счастливо потирали руки: «Теперь — пейте, хлебайте...». Но родник снова уносил всю грязь, очищаясь от очередного надругательства. «Воинствующие безбожники» стали понимать, что такая борьба с родником слишком накладна: так можно весь машинно-тракторный парк оставить без горючего. И тут кто-то выдвинул «рационализаторское», не менее кощунственное предложение: мол, зачем зазря солярку переводить, можно

просто набросать старых, промасленных фуфаек, пропитанных мазутом. Дешевле намного, а эффект почти один и тот же. Сказано — сделано. Накидали на дно колодца хлама.

Но опять осечка: вода спустя час — другой скатывалась с промасленного тряпья чистая, как хрустальная, — грязь к ней не приставала.

А здесь еще некоторые трактористы начали возмущаться: «Работаешь день и ночь, а воды в поле напиться негде...».

Такую форму борьбы на время отменили. Но ненадолго...

Слушаешь эту скорбную повесть. И пытаешься, само собой, провести параллель: вот бы сейчас, например, какой-то местный руководитель начал так же издеваться над нашим знаменитым Ундоровским источником: заливать его мазутом, затыкать промасленной ветошью, заливать нечистотами. Что бы с этим начальником сталось? Его бы моментально стерли в порошок, устроили бы на площади самосуд. А тогда, наоборот, — преступление перед природой, перед душой человеческой поощрялось.

И никому в голову не приходило, что эта борьба с родником по меньшей мере паталогична. Вода на земле — это жизнь. Значит, война велась с самой жизнью. Ну какой здравый ум поймет и оправдает это? Но находились и защитники, и оправдатели. И активисты-энтузиасты старались еще пуще, изо всех сил.

Придумали новое испытание. Устроили у родника — коровий и овечий водопой. Хотя подходящих мест для этой цели было — хоть отбавляй: речек больших и малых не счесть. Но мало ли что: «а мы наперекор всем людям будем поить скотину именно здесь».

И главная опасность существовала не столько в том, что стада загаживали родник, они вытаптывали водоносные жилы, и ручей мог погибнуть. Сколько ключей из-за этого прекратило свое существование... Но тогда на это не обращали внимания, лишь бы верующим досадить.

Но из этой затеи в очередной раз ничего не вышло. Окончательной победы достигнуть не удалось. Родничок, как и прежде, звенел, переливаясь серебряными подголосками. И звон этот разлетался по окрестным колосящимся пшеницей полям, а потом поднимался, уходил куда-то высоко в небо.

Следующий «борец» решил покончить с родником сразу, одним махом, — надоело «валандаться» (как это слово похоже на булгаковского Воланда). Подогнали бульдозер и стали зарывать, хоронить родник заживо.

Но разве закопаешь его. Можно, наверное, забросать землей озеро, болото — стоячую, мертвую воду, — а с

живой водой — не справиться. Все равно обязательно где-нибудь пробьется. Так и произошло: зароют его в одном месте, — вода просочится в другом. Сизифов труд. Плюнули с досады и угнали от родника дизель с начищенным до зеркальности землей и водой бульдозерным ножом.

После этого ничего не оставалось, как прибегнуть к примитивному, но зато надежному средству: каждый раз во время наибольшего наплыва людей, — выставлять охрану из дружинников и других активистов-добровольцев. Заслон делали плотный, чтоб ни один верующий не просочился к воде. Так и было. Правда, только днем. Потому что к вечеру некоторые охранники от нечего делать злоупотребляли «зеленым змием», запивая его водой из святого родника (говорят, из-за этого по утрам никакого «похмельного синдрома» не ощущалось, — голова была свежая, как стеклышко). Хотя ночами бдительность терялась почти полностью. И зная это, люди, как тати, пробирались путаными тропками-дорожками к роднику, украдкой наполняли посудины и опрометью, чтобы не заметили, бежали обратно.

Так было совсем недавно. А сегодня возвращается уважение к общечеловеческим ценностям, и к святым родникам в том числе.

Снят и распущен (теперь уж, наверное, навсегда) грозный караул, не измываются над ручьем, не травят его нефтепродуктами. И путь теперь открыт любому, кто пожелает испить воды из заветного родника. И люди идут и едут: из ближайших сел и деревень, из Ульяновска, из других городов и весей.

А в этом году, говорят, местный совхоз даже решил в день Параскевы выделить сельчанам для поездки к роднику автобус. Но с утра небо раскололось от молний, ахнул гром, и обрушился такой ливень, что не только на колесах, пешком по раскисшему проселку до места не доберешься. И многие путники возвращались с полпути. Сосед-шутник кричал женщинам от своей калитки: «Это вас Бог к роднику не допустил за ваши грехи!».

Я с сыном тоже собрался с утра в дорогу: любопытно, ни разу там не были. Но в самом начале дождь сплошной стеной преградил нам путь, пришлось вернуться, а потом полдня пить чай-бальзам с душицей, зверобоем, мятой, чтобы не простудиться.

И все же этим летом мы побывали у родника. Дождались, когда просохнут дороги, сверились с барометром, стрелка которого уверенно показывала на «ясно», и выехали на велосипедах из дома. Но родник открылся не сразу.

Сколько километров полевых дорог мы исколесили, пока не наткнулись на куржавину, заросшую высокими ветлами. Обманывало нас то, что мы знали: родники, как правило, выбивают в лесных чащобах, в глубоких оврагах. И потому все время жались к лесу. А оказалось, что надо было искать его прямо посреди поля. И не в овраге, а на возвышении.

Подъехали. Посмотрели: ничего особенного, необычного, сверхъестественного. Родник как родник, из трубы с напором выбивает вода. Есть и другой родничок, — послабее (помните, из деревянной статуи выбивали из рукавов две струи). И все же по сравнению с другими родниками, которые знаем, здесь было как-то по-особенному светло-светло (может, потому, что — посреди поля)...

Мы набрали в банку воду, посидели на лавочке за врытым в землю столом. Огладелись вокруг. И предстала неприглядная картина: все заросло репейником, татарником и другими прилипчивыми колючками. И как-то досадно стало за сельчан: ведь сколько всевозможных субботников и воскресников было у них: то по уборке территории, то по вывозке навоза, то по заготовке веточного корма... И неужели никто не догадается провести субботник по благоустройству этого многострадального родника, — большинство бы не отказалось. Ведь это важно не только для тела, но и для души.

...А ту банку с водой мы захватили с собой в город. Иногда, вспоминая о лете, я беру из нее воду. И поверьте, сразу чувствую прилив сил и доброго настроения, а еще, — серебряный привкус на губах.

И при этом одолевают мысли: не о такой ли живой воде, которая придавала богатырские жизненные силы, говорится в многочисленных народных сказаниях? Ведь в каждой сказке всегда есть конкретные, реальные истоки.

БЕЛАЯ ГОРА

Гора Белая в это раннее осеннее утро действительно была белой. Поднявшийся еще с ночи туман густым, — утренней дойки, — молоком забелил всю округу. Казалось, что если бы и мгла ночная внезапно, вдруг развеялась, виднее от этого не стало бы, так он был непроницаем.

Но только-только засветлело на горизонте, холодный дым стал быстро редеть, и вскоре совершенно растаял. И все же оставалось недоумение: куда вся эта масса подевалась, ведь не могла же она исчезнуть бесследно? И вправду, не исчезла, просто произошло чудо: летучая седая дымка почти мгновенно превратилась в иней. Он лег на ветки деревьев, на крыши домов с задымившимися одновременно, как по команде, трубами, на придорожные провода и горчащие травы Святой горы.

Вот оно знаменитое возвышение, которому поклонялись пятьсот лет жители земли русской. Приходили тысячи паломников со своими бедами и болестями и, по преданиям, всех она утешала и наделяла терпением.

Эта гора у Суры известна с древних времен. А я стою перед ней впервые. И ощущаю, что в душе зреет неиспытанное еще доселе какое-то трепетное, сокровенное, восторженное чувство. И не потому, что эта гора считается в народе святой. Просто она сама по себе, на мой взгляд, уникальное природное явление.

Ведь удивительно: от областного центра до Сурского монотонно тянется степь; дорога ровная, словно скатерть на столе,—не за что зацепиться взгляду. И вдруг, только проскочишь мост через Суру, — предстает этот нерукотворный памятник. Повторю: если бы даже не было вокруг Белой горы множества легенд и преданий, не было бы массового поклонения верующих, все равно, — она вызывала бы к себе глубокое почтительное отношение.

А приехал я сюда не случайно. Все началось с первого моего очерка о Тушнинском целебном источнике. О нем у читателей были добрые отзывы. И мне подумалось, что при нынешнем дефиците (и дефиците лекарств, и чистой воды, в частности) людям не лишне было бы знать, где находятся в нашем крае целительные источники, качество которых опробовано народом в течение долгих веков. Конечно, есть среди них и широко известные. Например, знаменитый

Ундоровский родник. Но его вода напоить всех не в силах (горожане это хорошо чувствуют, когда в летнее время иногда бутылку минеральной в прямом смысле приходится добывать с боем).

Народными целительными ключами люди пользуются с древних времен и не понаслышке знают их силу. А вдобавок эти родники сами по себе являются историческими памятниками, с ними связаны народные верования и традиции, интерес к которым у нас сейчас постепенно возрождается.

В общем, я уверен, что при нынешней экологической и нравственной катастрофе обязательно произойдет возвращение к родникам. Иначе мы просто не выживем. С этими мыслями я и решил незамедлительно углубиться (теперь уж) в письменные источники: посидеть в библиотеках, покопаться в архивах. Но произошло непредвиденное...

И не знаю, кого здесь винить: то ли просто стечение случайностей, то ли, может, нечистую силу? Дело в том, что с первого шага я почувствовал, что мне кто-то мешает, строит всяческие козни.

...Я собирался уходить, уже открыл дверь и машинально бросил взгляд на отрывной календарь: там была черной жирной краской выведена цифра 13. Первый порыв был — отложить поездку. Ведь никакой здравомыслящий человек не начинает дело под этим числом. Но я все же пересилил суеверие и отправился в библиотеку. Но там-то и ждала меня неудача.

Обратился к библиографам — помочь мне отыскать литературу о целебных источниках. Ответ был огорчительным: такой литературы не имеется. И мне пришлось броситься головой в омут, вернее, — в книжное море. В общем, довелось перелопатить множество старинных книг, всяческими косвенными путями, посредством сложных умозаключений определять местонахождение святых источников, по крупицам выуживать сведения об их истории. И чем больше у меня накапливалось фактов, тем козни усиливались, делались изощренней, опаснее.

Автобус до Сурского был новенький, поблескивал свежей краской — любо-дорого посмотреть. С самого начала мотор работал ровно, легко, как бы даже — пел. Но вдруг ни с того ни с сего на полпути в нем что-то заскрежетало, затрещало. И он остановился. Долго пожилой опытный шофер копался в нем, пока мы снова двинулись в путь.

Шутки шутками... Но лишь только после многих препятствий (я рассказал не о всех) оказался я перед этой древней горой, белой от инея. И не спеша шагаю по улочкам старин-

ного селения, где в каждом оконце отражается кусочек истории нашей раздольной российской земли. Правда, если судить по новому имени рабочего поселка, то у него совсем юный возраст: в 1931 году переименовали его в Сурское. Зачем это сделали, с какой целью отобрали у селенья его исконное имя, — до сих пор непонятно. Ну ладно бы, назвали там в честь местного революционера или первого комсомольца, как часто в те времена бывало, а то ведь — совершенно нейтральное слово.

Иль, может, хотелось окончательно отказаться от древней истории, откреститься от своих предков...

А ведь как колоритно и звонко звучало — Промзино Городище (само имя древностью дышит).

Не о Сурском, а о старинном Промзине написано много добрых строк в разных книжках:

«На Цне самая богатая пристань — Моршанск с знаменитой мельницей... На Суре знаменитая пристань — село Промзино Городище. Обе работают на Петербург».

В Петербурге(!) знали о нашем селенье. А сейчас спроси там же или в другом каком месте о Сурском: лишь удивленно выпучат глаза — не слыхали о таком. И помнили о селе неспроста, на то были веские причины.

«Сура течет очень быстро; во время разлива, особенно когда вода начинает убывать, она делается едва одолимой на лодках и очень опасной, когда ветер дует по течению. В это время при устье ставят пикеты для наблюдения и спасения погибающих с лодками и подпусками — деревянными шарами на веревках. Крутой прибой сурской воды прорезывает своей струей самую Волгу до половины... В Суре водятся самые вкусные стерляди, а по ней идут суда весной первым караваном с самым вкусным хлебным сыромятным зерном от пристани Промзина Городище с черноземных полей Симбирской и Пензенской губерний». Не с Волги, не с других российских рек, а именно отсюда, с Суры, из Промзина Городища шел самый-самый вкусный хлеб и самая-самая вкусная рыба.

И это не легенда, что именно отсюда стерлядь поставлялась на царский стол, — это истинная правда. Помня об этом, я с надеждой зашел в один из магазинов поселка. Но вместо рыбных развалов с горечью увидел пустые полки с редкими банками консервированной морской капусты.

Но Промзино Городище было не только одним из купеческих центров России. Не меньшее значение (а может, и большее) имело селенье и как духовный центр. Промзино Городище известно с 1552 года (среди городов и районных

центров Ульяновской области это наиболее древний поселок, в 1992 году ему исполнилось 440 лет). Столько же знакома людям и Белая гора со своими целебными родниками (гора имеет и другие названия: Никольская, Святая, Поклонная).

Почти 500 лет приходят сюда люди, чтобы испить драгоценной влаги. О чудодейственной силе этой живой воды знаю немало. Наслышан о многих случаях, правдоподобных и самых невероятных. Но не буду рассказывать о них, так как не был сам тому свидетелем. Скажу лишь о достоверном: при исследовании в родниковой воде обнаружено большое количество серебра и других полезных для организма микроэлементов. Вдобавок она еще — просто удивительно вкусна. Признаюсь, прожив на свете уже достаточно много лет, я ни разу не пивал (ни из одного родника, ни из одного колодца) такой аппетитной воды. Недаром же местные жители семейный самовар с ней выпивают за один присест. Скажу и другое. Сейчас говорят и о том, что вода может быть целебна не только благодаря своему химическому составу. Но еще, так сказать, по месту своего нахождения.

Некоторые исследователи считают, что есть точки на Земле, которые являются сами по себе целительными, — из-за особо активных магнитных процессов. В первую очередь, это относится к холмам, возвышенностям. Может, и Никольская гора служит подтверждением этой гипотезы?

Да в конце концов, если полтысячи лет приходят к этим родникам люди со всех концов нашей земли, так значит, есть в них какая-то сила. Иначе бы народ забыл об этих ключах в дальней стороне, отвернулся бы от них.

Легенд о Никольской горе и ее родниках я слышал несколько.

Одни рассказывают, что в давние времена, весной, в мае, подошли к Белой горе (Белая,—потому что—меловые отложения, и еще: белый цвет — цвет христианства) вражеские войска. Днем русские воины отразили неприятельские атаки. Но силы были неравными. И защитники чувствовали, что на следующий день не сдержать им дикого напора. И тогда прольется рекою кровь безвинных детей, стариков, жен. Приуныли ратники...

Но в полночь на самой вершине горы появился всадник, излучающий яркий свет. И главное то, что русские его вначале не видели, а первыми увидели враги. Увидели, обмерли от испуга и ушли, отступили. Народ был спасен.

Всадником этим явился Николай Чудотворец (Угодник

Мирликийский; Никола), один из самых любимых и почитаемых в народе христианских святых, отличающийся великой добротой и справедливостью.

Например, записан в прошлом веке у крестьян такой рассказ. Однажды шли по дороге Касьян (тоже святой) с Николаем Чудотворцем. (А была распутица, дороги раскиселились). И повстречали они мужика, который застрял с возом в канаве. Мужик просит: «Помогите вытащить».

Николай сразу взялся помогать. А Касьян сказал, словно отрезал: «Нельзя мне — рясу могу испачкать, как я тогда Богу покажусь». Выехал мужик на твердое место. А Касьян с Николаем пошли дальше. Приходят в рай. Бог спрашивает: «Где это ты, Николай, так испачкался?».

«Мужику помогал телегу из грязи вытаскивать».

«А у тебя почему ряса чистая?» — обратился Бог к Касьяну. «А я берег ее», — объяснил Касьян. Не понравился Богу такой ответ, понял он все.

И потому повелел: быть Касьяну именинником один раз в четыре года, а Николаю — два раза в году: весной и зимой.

Другое предание о горе повествует, как однажды молодой монахине (у горы находилась Никольская Городищенская пустынь, женский монастырь) приснилось, будто на гору взошел Николай Чудотворец, чтоб спасти людей от врагов. Побежала она на гору чуть свет и взору ее явилась чудотворная икона...

И все же более реальной, правдоподобной мне показалась другая легенда, которая, кстати, зафиксирована в одном старинном печатном издании.

«Никольская Городищенская пустынь находится в полверсте ниже села Промзина у подошвы Белой горы, на вершине которой явилась чудотворная икона св. Николая. Пустынь была незначительна по числу монаствующих и состояла в ведении Печерской, а в 1728 году приписана к Покровской Ивановской пустыни (Алатырского уезда), вместе с которой в 1764 году была упразднена. Церковь с чудотворным образом св. Николая оставалась на берегу до 1810 года. Когда, вследствие подмывания берега р. Суры, была закрыта, а икона перенесена в с. Промзино.

Для нас эта пустынь важна, по преданию, о явлении иконы св. Николая, связанному с историей городища Промзина.

Предание говорит, что икона явилась перед каким-то страшным нападением кубанцев (кочевников — В. Д.) на городище, вокруг которого был вал, и что отбитие этого нападения приписано было заступничеству св. Николая. Так как

мы знаем, что в 1648 году были уже восстановлены Карсунская и Симбирская черты, то нападение это необходимо отнести к более давнему времени, когда Промзино Городище составляло передовой охранительный пункт. Действительно, вышеозначенное нападение должно считать ранее XVII столетия. Таким образом уважаемая всеми (даже раскольниками и чувашами) икона св. Николая есть ли не самая древняя икона Симбирской губернии. По закрытии церкви она перенесена и в настоящее время находится в церкви села Промзина Городище, а на месте явления, на высокой горе, у самой пристани, устроена часовня».

Другое издание более точно, конкретно сообщает о легендарном событии:

«...В той же церкви находится чудотворная икона Николая Чудотворца, явившегося, по преданию, в 1552 г. на горе, прилегающей к Промзину, для ограждения его от полчищ татар (по другому преданию, кубанцев), собравшихся на противоположном берегу Суры и ослепленных дивным видением. Чудо это воспето местным поэтом в стихах, которые обыкновенно печатаются вокруг лубочного изображения Промзинской иконы, весьма распространенного в Симбирской губернии. Икона представляет горельефное изображение Святителя и по типу сходна с известным изображением «Николы Можайского».

Когда в 1922 году икону, эту древнюю реликвию, конфисковали и увозили из Промзина, бросив небрежно на скрипучую телегу, женский плач разносился далеко по округе, поднимаясь все выше и выше, и лишь в заоблачной высоте таял, пресекался.

Промзино было богатейшее купеческое село. И религиозное. Денег на божьи дела не жалели: на каждой улице стояла часовня-красавица (на сохранившихся фотографиях это воочию видно); главный колокол весил 500 пудов (8 тонн), когда в него ударял 25-пудовый язык, звон летел на пятьдесят верст, и слышен был даже в городе Алатыре.

По воспоминаниям старейших жителей Сурского, «риза у священника была серебряной, а по ней — россыпь бриллиантов». В двадцатые годы все церковные ценности были отобраны и проданы за границу. Правда, за это была открыта в селе столовая, где кормили чечевичным супом.

В начале века в центре Промзина началось грандиозное строительство нового храма. Недавно специалисты обмеряли ту стройплощадку и утверждают, что по размерам церковь была бы под стать величественному московскому храму Христа Спасителя, который был взорван в 30-е годы, а в

нынешнее время идет всенародный сбор средств на его восстановление. Недостроенная церковь в Промзине тоже была разрушена. Сейчас на этом месте различные учреждения.

А на бывшем кладбище священнослужителей воздвигнут дом культуры и кинотеатр, — увеселительные заведения. Теперь трудно в этом винить кого-то, ведь, вероятно, каждый думал, что все делает на пользу людям, борется за счастье народное.

И все же, несмотря на все разрушения и запреты, паломничество к Никольской горе и ее святым родникам не прекращалось. Люди шли сюда за тысячи верст из Киева, с Урала, из Архангельска, словно к российскому Иерусалиму. Шли всю дорогу пешком, категорически отвергая поезда и подводы.

Старожилы помнят, какие были ноги у этих ходоков — не ноги, а сплошные мозоли. Но странники не унывали, — попарят ступни в майской крапиве и, почувствовав облегчение, просветленно вздохнут: «Теперь я и на Святую гору взойду...».

В весеннего Николу 9 мая (22 мая — по новому стилю) на горе было целое столпотворение. Считалось, что именно в этот день вода в родниках приобретает могучую, священную силу. И потому все стремились сюда.

Но воинствующие атеисты тоже не дремали: тщательно разрабатывали план беспощадной борьбы с религиозным дурманом и «активно проводили план этот в жизнь».

Но дело в том, что насилие в конце концов всегда дает обратный результат.

Хотели добиться одного, а получаем совсем другое — противоположное (к сожалению, только сейчас мы начинаем все это понимать). Данную аксиому можно проследить и на истории борьбы с Никольской горой и родниками. Какому-то местному руководителю в горячую голову пришла взбалмошная идея срыть вершину горы.

Натужно урча, калеча гусеницами природный и исторический памятник, на вершину пополз бульдозер. На самой высоте опустил нож и, взревев, начал сдирать с омытой людскими слезами земли пласт за пластом. Люди из поселка наблюдали, как утюжил трактор заветную гору. И вдруг кто-то из толпы испуганно крикнул: «Смотрите, смотрите, трактор-то переворачивается!». Машина, действительно, начала падать. К счастью, задержало ее крепкое дерево, оказавшееся на пути, а то бы не миновать трагедии. Тракторист остался жив.

После этого, как круги по воде, — расходясь все шире и шире, — пошли слухи о чудотворной силе Никольской горы. А ведь руководители предполагали получить победный результат.

Подобное произошло и с пионерским лагерем. Чтоб отгородить целебные колодцы, на их территории построили пионерлагерь. Но место оказалось явно неудачным: низкое и сырое. И взамен оздоровления летом ребятишек едят тучи комаров.

Но это еще что! Одной бывшей руководительнице пришла совершенно бредовая мысль: взорвать гору. Обложить ее динамитом и взорвать. Не знаю, что помешало осуществить этот опасный замысел: то ли взрывчатки не хватило, то ли, наоборот, опасались повредить близлежащие дома. Но в последний момент все же что-то отвело руку от этой экстремистской затеи.

В общем, гора сохранилась. Правда, не в таком, первозданном виде, какой она была ранее.

Но как здесь все было, когда действовали и часовня на горе, и колодцы под горой?

Об этом можно только узнать от старожилов. А их, помнящих начало века, остается, к сожалению, все меньше и меньше.

И все же я встретился с такой коренной жительницей. В. Ф. Ефимова (ей 85 лет) поразила меня своей душевной молодостью и еще одним качеством — грамотным, образным, ярким говором. (Я невольно сравнивал многих людей с высшим образованием, их хроническую безграмотность, и ее — безупречную языковую компетентность, и сам себе задавал вопрос: это как же нужно было учить в ту пору, чтоб всего за семь лет дать такие глубокие знания по языку, что они выше и глубже нынешних, вузовских?).

Вера Федоровна поведала мне, что было всего три колодца. Первый, с приносной водой, находился внутри часовни, из него священник окроплял прихожан. Люди входили в часовню со стороны села, а выходили в противоположную сторону к лесу. Спускались с горы, здесь встречал их второй колодец, он находился под одной крышей с беседкой для отдыха. (На старинной фотографии у этой беседки стоит молодая, симпатичная, хорошо одетая дама, вероятно, приехавшая издалека).

Третий колодец — чуть подальше. Из него тоже брали воду для питья, но, кроме этого, рядом была купальня, разделенная деревянной перегородкой на две части: мужскую и женскую.

Сейчас всех этих сооружений нет. (Но их не так уж трудно восстановить).

...Мы разговариваем, рассматриваем старинные карточки, сокрушаемся, что многое утрачено (и, к сожалению, наверное, навсегда, безвозвратно).

На столе, у окошка, в раскрытой коробочке из-под «Птичьего молока» лежат белые камешки. Хозяйка, уловив мой взгляд, упредила вопрос: «Этим летом гостили у меня правнуки из Киева. Ходили на гору и принесли камешки. И разъяснили: это тебе, бабушка, чтоб ты не болела и была счастлива».

Я с наивной непосредственностью поинтересовался: «И что? Помогают?».

Она ненадолго задумалась, а потом сказала: «Да они когда как: кому помогают, а кому и нет». И она рассказала мне печальную и романтическую историю, которую можно было бы назвать «Ромео и Джульетта из Промзина».

До революции жили в Промзине Городище две семьи: одна богатая, купеческая — Гордеевы; другая ничем не знаменитая, бедная, еле концы с концами сводила — Никашины. Но любовь ведь не заглядывает в кошельки, прежде чем взять в полон сердца. Вот и в этот раз полюбили друг друга богатый юноша и бедная девушка. Да так крепко, что жизни не мыслили в одиночестве. Но когда Гордеев-старший узнал об этом, то сильно разгневался. И строго-настрого запретил сыну встречаться с любимой.

Но сердцу не прикажешь. Любовь разгоралась еще жарче. Чего только влюбленные не предпринимали. И родителя уговаривали, чтобы смилостивился, чтоб разрешил им пожениться. («Но не свернешь легкой накатной волной неприступный гранитный утес»). И к святым родникам ходили. И камешек со священной горы всюду с собою носили, надеялись, что это поможет.

Ничего не помогло, все оказалось зряшным. И тогда они решились на роковой поступок.

Однажды днем юноша пришел к девушке. (В этот раз был он не с пустыми руками, с собой у него находился какой-то сверток). Позвал ее прогуляться. Она быстро оделась, перецеловала сестренок. И выбежала из дома.

Направились они по дороге за село. Шли быстро, а девушка все оглядывалась на дом, где в каждом окошке торчали детские мордашки. Но дорога повернула за угол. И все...

Через некоторое время над Сурой прокатились два выстрела. Сначала раскаты метнулись в разные стороны: вверх

и вниз по течению, а потом вернулись назад, опять к этому месту и слились в один гул, и постепенно растаяли в присурской тишине...

Их нашли за селом почти у самой дороги. (Юноша застрелил сначала девушку, а потом себя...). Я видел фотографию: они так и лежали рядышком молодые-молодые, красивые-красивые.

Эта история потрясла Промзино. Да и как иначе? Ведь даже сейчас, спустя десятки лет, эти шекспировские страсти, этот случай высекает слезы.

Но купец и после трагедии не обмяк сердцем. Запретил жене произносить имя сына и горевать, плакать о нем. Лишь уходя на Никольскую гору, мать могла отвести душу. Вот такие существовали нравы...

У Веры Федоровны жизненная ситуация в юности складывалась сходным образом. Полюбила она первого в селе комсомольца, а мать была категорически против жениха. Но не послушала ее дочь, правда, не стала стреляться, а выскочила замуж, несмотря на материнские запреты. И сейчас об этом не жалеет: хорошо ли, плохо ли, но жизнь уже прошла. Об одном лишь кручинится, что все годы невенчанной прожила и была «не законной женой, а наложницей...».

...Это разрушить можно все разом, быстро, а возрождение происходит постепенно, медленно. Но и до Сурского, до российской глубинки, долетают ветры благотворных перемен. Недавно в с. Кирзяти в старом клубе открыта церковь.

Трудящиеся района просят местные власти восстановить часовню на Никольской горе (в таком виде, какой она была) и предлагают для этого народные средства.

Раздаются голоса за возвращение исконного, древнего имени поселка. На мой взгляд, — это резонная просьба. Во-первых, Сурское — не единичное, не оригинальное название, есть подобные и еще: Сурск — в Пензенской области, Васильсурск — в Нижегородской.

Во-вторых, не такое уж это безобидное дело, — отнять имя. Ведь это не просто сочетание каких-то слогов, букв, — оно несет в себе духовный заряд, внутреннюю энергию, накопленную, сконцентрированную за долгие века. И когда имя отнимается, — утрачивается какой-то стержень, и селение начинает хиреть.

Возрождение уже понемногу начинается. Поселковый Совет недавно обиходил один из родников Никольской горы, что выбивает со стороны Суры: сделан домик, подведена труба, врыты лавочки...

И еще. Нужно обязательно разыскать в Самаре (если она действительно там) древнюю реликвию нашего края — икону св. Николая.

...Белая гора видна издалека. Но пройти к ней трудно. Построенные как-то вразнобой, дома облепили ее почти до середины. Потому пришлось поплутать, прежде чем я вышел к этой древней знаменитости. Думал, что буду один на ее склоне, день-то будничный, непраздничный. Но нет, ошибся. Люди поодиночке, то вдвоем шли к родникам.

Я взошел на вершину и задохнулся. Нет, не от крутого подъема, а от того раздолья, которое открылось с горы. Этот ни с чем не сравнимый пейзаж всколыхнул внутри одновременно и радость, и боль. И они долго звучали в душе, не желая угомониться.

Потом спустился к роднику, что выбивает почти рядом с Сурой. Струя до того сильная, что я долго не мог наполнить банку. А когда наполнил, то попробовал из нее воду. Вода была такой вкусной, что я невольно вспомнил о самоваре. Но не о нынешнем — электрическом. А о том, давнем, из детства, который разжигался углями да сосновыми шишками. «Да где сейчас такой отыщешь», — подумалось с грустью. И я побрел по тропинке к поселку, который в старину назывался звучно и гордо — Промзино Городище.

СЕРЕБРЯНЫЙ КЛЮЧ

Самый ближний от города святой родник находится в окрестностях села Кременки. Садись на рейсовый автобус № 103, выходи в Новоульяновске, пройди немного пешком, и вот он — чудодейственный ключ: пей, умывайся на здоровье, заполняй привезенные с собой посудины, чтобы пользовать потом родных и знакомых.

Из-за малого расстояния (мол, в любой момент могу туда скататься) я и не торопился побывать там, решил так: сначала надо посетить дальние источники, отлежащие от областного центра на несколько десятков километров, а потом уж и по соседству можно завернуть.

Но вот выдался срок, когда я почему-то вдруг почувствовал: надо ехать. Приготовился еще с вечера, чтоб рано утром отправиться в путь. Благо автобусная остановка почти рядом с моим домом.

Автобус подошел, — как говорится о мешке с картошкой, — набитый под завязку. Но я все же протиснулся вовнутрь. И сразу бросилось в глаза, что большинство пассажиров в нем не рабочий люд, спешащий к станкам, за баранки машин, к рычагам тракторов, а пожилые, в основном, люди, которых объединяло то, что все они ехали с пустой, порожней посудой: с пластмассовыми и металлическими канистрами, с бидонами и трехлитровыми банками.

У окна стоял высокий старик с крупной головой и крупными, резкими чертами лица. На нем было старенькое потертое полупальто, кроличья, с облетевшим кое-где мехом шапчонка, помятая защитного цвета рубашка, но, несмотря на это, он был при галстуке. Из матерчатой сумки выглядывало горлышко полиэтиленовой емкости.

Старик, видимо, и в молодости за словом в карман не лез, а под старость и подавно стал очень разговорчивым, перекидывался словами то с одним, то с другим.

— За водичкой? — вступил и я в разговор.

— Да, в Белый Ключ. Здесь половина автобуса туда, — обрадовался он, что с ним заговорили. — Я сам каждый день с автозавода езжу. Сажусь на автобус, приезжаю, набираю водички и обратно тоже — на автобусе.

— А почему не в Винновской роще? Ведь поближе...

— Там лесом надо идти, да еще в гору. А для меня такие прогулки уже не по силам, — года уже не те. — Он по-

молчал, подумал, а потом, предвидя мой вопрос, добавил. — А на севере, у Маришкиного родника — очередь по 80 человек.

Почувствовав, что старик в воде разбирается, так сказать, в этом вопросе человек неслучайный, я попытался забросить удочку насчет целебного родника, к которому ехал (интересно было знать, как его оценивают знатоки):

— А вот, говорят, что в Кременках есть целебный, святой родник. Правда ли это?

— Ну вы что?! — Там очень хорошая вода... Я за свою жизнь лишь три раза пил такую воду: в Кременках, на Байкале и, не доезжая Хабаровска, есть деревушка Акатериновка... (Может, Екатериновка или еще как, но он именно так произнес).

— Ну в Байкале-то, конечно, — замечательная, такой больше нигде в мире нет, — поддакнул я старику, тем самым поддержав его в похвальбе, что он всю страну объехал, многое повидал...

— И в Белом Ключе водичка — пьешь не напьешься, — нарушила наш диалог сидящая рядом старушка.

— Об этом спору нет, — переключился на новую собеседницу старик, — только почему же ты туда с полной канистрой катишь?

— Да я, — как-то смущенно начала оправдываться старуха, — к зятю, с детьми сидеть еду, а он наказал, чтоб без пива не являлась. Вот и везу...

Вот как получается, — подумалось мне, — в деревню с пивом, а оттуда с родниковой водой. Так сказать, — бартерные перевозки. Значит, теперь не только на международных трассах они существуют, но и на местных дорогах тоже.

Старик начал убеждать меня, что я обязательно, как и он, должен ездить за белоключевой водой, что этим я не только сохраню здоровье, но и вылечу старые болезни. И даже выйдя из автобуса, он мне все указывал энергичными жестами, по какой тропинке надо идти, чтобы спуститься прямо к колодцам.

Я, боясь как-то обидеть его, не стал ему сообщать, что эти родники я знаю давным-давно, еще с раннего детства.

Иногда родные брали меня в город, и мы тряслись пятьдесят километров в кузове совхозного грузовика. И перед самым въездом, в Белом Ключе, чтоб отдохнуть немного, шофер останавливал автомобиль, и все шли к родникам. Тогда не было колодцев, а стояли громадные деревянные чаны.

Прозрачная, звонкая вода наполняла эти емкости до краев и нехотя, словно тесто, переливалась вниз. И от этой водяной пленки чаны казались на солнце хрупкими.

Меж треснувших досок кое-где выбивала озорная струя. Подставишь лицо, и за один раз напьешься и умоешься, и одновременно заломит от морозного холода зубы и защиплет щеки.

Такие громадные кадушки помню и в Больших Ключищах. И вода там — тоже замечательная, чистая-чистая, как слезинка.

С детства помню я и Кременки. Но об этом особый разговор.

В 1941 году сады в нашей деревне померзли. И в послевоенном детстве я и мои сверстники фруктами избалованы не были. И потому, когда привозили в дом яблоки, — день был праздничным. Обычно яблоки были из двух мест: из Панской Слободы и Кременок. Не буду лукавить, в Панской Слободе выращивали отличные фрукты, и все же кременковские — были несравненно лучше во всех отношениях.

Помню, как сейчас, одно яблоко: большое, на двух ладонях не умещается, с тонкой кожицей и налитое таким прозрачным соком, что, кажется, посмотри через него, — и все увидишь, — никакого препятствия глазу не ощутишь.

Ведь недаром в старину Кременки называли — «Райский уголок» и «Золотое дно». На Волге — это был один из главных яблоневых центров. Отсюда во все концы везли продавать и яблоки, и смородину, и малину. Приезжали сюда толпами и сами покупатели. Ну, а названия-то у яблонь какие: папировка, апорт, крестовый мальт, дьяконовка...

Рассказывают, что в конце 50-х годов яблоню из Кременок перевезли и посадили у входа в павильон садоводства ВДНХ.

Это какую же надо было иметь селу, затерянному в российской глубинке, известность, чтоб оказать ему такую честь и почет.

А может, еще и потому — «Золотое дно», что на озерном и волжском дне водилось столько рыбы, что ее можно было ловить в прямом смысле — руками. Отгородят с краю озерцо огородным плетнем, и вычерпывают линей, щук, лещей, окуней, — в общем, рыбу на любой вкус.

И все же сады были главной достопримечательностью этих мест. Вот поэтому-то я с доверием воспринял еще в детстве услышанную от кого-то трактовку топонима Кременки — мол, происходит это название от слова крем (ку-

шанье, состоящее из сливок, шоколада и фруктовых соков). Да и что тут удивительного, — ведь даже одна из улиц в селе так и называлась — Сладкая улица.

Теперь я знаю, что это была народная этимология, так сказать, — ненаучная. Ближе к истине, на мой взгляд, другое объяснение, берущее за основу слово «кремень» (или, как старожилы произносят, — кремель). В энциклопедическом словаре говорится: «Кремень — минеральное образование, состоящее из кварца и халцедона. Желто-бурые до черных конкреции, желваки, главным образом, в известняках, меле и мергелях». Местные жители утвержзают, что раньше этого кремня было видимо-невидимо.

Как раз эта расшифровка топонима мне и на руку: кремень распространен в меловых отложениях. В свою очередь, меловые отложения являются признаком того, что в этой местности, как правило, встречаются частые, мощные, с водой высокого качества родники. А они и являются целью моей поездки в село, для герба которого можно было бы использовать такие символы: яблоко, рыбу, родник. Правда, сейчас нужно прибавить еще один — трубу (ведь там теперь цементный завод).

В Новоульяновске городская власть в лице председателя исполкома встретила меня неожиданной и огорчительной вестью.

— Кременки? — переспросил он. — Такого села уже давно нет. Его попросту не существует.

— Как же так? Что ж такое? — опешил я. — Ехал в знаменитое село, а приехал, — в никуда.

— Нет, вы неправильно поняли. Вот, послушайте... Его никто не разрушал, не ломал. Сельские дома, как стояли, так и стоят, просто Кременки присоединили к городу. И теперь это не село, а городской микрорайон.

— Жалко, — самопроизвольно вырвалось у меня.

— Но память для потомков мы все же сохранили, — председатель горисполкома попытался успокоить меня, — назвали одну из улиц Кременковская. Да сельчане во многом и выиграли от этого присоединения.

И он начал рассказывать, какие блага получили сельские жители после поглощения городом деревни.

А я старательно и подробно все записывал. Действительно, сделано многое. Но самые главные — два пункта: в селе проложен асфальт и полным ходом идет газификация жилья (не нужно будет ни дров заготавливать, ни печи топить).

Когда рассказ о благоустройстве подходил к концу, я как

бы нечаянно спросил о роднике:

— Говорят, у вас здесь есть целебный родник?

Теперь мой собеседник пришел в какое-то замешательство. Но, немного помолчав, подумав, он рассказал мне историю с письмом.

Лет пять назад в горисполком из Ульяновска пришло письмо. Автор писал, что однажды летом он собирал в окрестных лесах (у Кременок) ягоды. Но вдруг у него возникли такие боли в желудке, началась изжога (дала о себе знать хроническая болезнь), что сбор земляники пришлось отложить. Он вышел из леса и направился к селу. И как раз путь ему пересек ключ. Он зачерпнул ладонями воду и испил из этого ключа. Отошел немного от ручья и почувствовал, что боль с изжогой прошла. Вернее, он и не заметил, когда это произошло, просто вдруг спохватился, что боли нет, — ее как рукой сняло. Излечила родниковая вода, хотя раньше эти боли порой не могли побороть, утолить даже сильнодействующие лекарства.

Но дело в том, что с тех пор автор письма не может определить то место, где выбивает ключ. Несколько раз он пытался отыскать его сам, но все безрезультатно. Поэтому горожанин и просил, умолял указать ему, где протекает родник.

...Этот родник был известен давно. В одной из старинных книг сообщается следующее: «В полутора верстах от села Кременки, несколько в сторону от дороги в с. Ключищи, стоит довольно просторная, могущая в себя вместить до 50 человек часовня (часовня стояла на возвышении, а родник чуть пониже — отсюда и название родника «Под часовней» — В. Д.). Часовня эта поставлена на том месте, где, по преданию, явилась икона св. Великомученицы Параскевы-Пятницы, хранящаяся и поныне в часовне. Время явления иконы никому из старожилов неизвестно, не сохранилось также никаких сведений об обстоятельствах, при которых она явилась. Но местные жители высоко чтут икону, усердно заботясь о ее благолепии. Ежегодно в первую пятницу после дня святой Троицы совершается крестный ход из с. Кременок к часовне, за иконой и обратно, после чего икона в течение нескольких дней переходит из дома в дом. В эти дни в с. Кременках бывает ярмарка».

Снова речь идет о явленной на ключе иконе Параскевы-мученицы. Ведь знаменитый Тушнинский родник, о котором рассказывалось в первом очерке, тоже связан с образом Параскевы. Больше скажу, — есть и другие родники,

хранящие имя этой святой. Например, в бывшем Сенгилеевском уезде (ныне Самарская область) образ св. Параскевы, по преданиям, явился на родниках близ с. Суринска и Мазы. Или — в с. Гладчихе. Объясняется это, наверное, несколькими причинами. Дело в том, что Параскева считается покровительницей воды, поэтому чудесное появление ее образа в родниках, реках, колодцах по народной логике вполне объяснимо. А то, что образ ее появляется именно на целебных источниках, тоже имеет объяснение. Ведь Параскева, считаясь покровительницей воды, является также покровительницей здоровья. Поэтому логично появление ее образа не просто на ручьях, а на целительных источниках.

И еще. Если внимательней присмотреться к расположению таких источников, то оказывается, что располагаются они в нашей местности, как правило, вдоль берега Волги.

Имеется разгадка и у этой загадки. Во-первых, здесь как раз рождаются чистые мощные истоки. Во-вторых, Параскева-Пятница испокон веков считалась одной из самых надежных защитниц, заступниц от нападающих врагов.

А с XVI в., после разгрома Казанского ханства, появилось много лесных разбойников, которые селились в лесах, преимущественно вдоль Волги, и которые делали постоянные набеги на селенья. Вероятно, чтоб оборонить от врагов, и являлся чудотворный образ Параскевы на родниках.

Правда, автор старинной книги уже сообщал, что предания о появлении иконы на кременковском роднике не сохранились. В этом убедился я сам во время недавней поездки. Нет, старушки рассказывают в общих чертах, как все было. Но сказать точно, когда это произошло, описать подробно событие не могут. Видимо, цепочка народного предания когда-то давно оборвалась. И восстановить ее сейчас уже невозможно.

Но вероятно, что события на этом роднике в чем-то были похожи на те, что происходили близ Тушны. Там легенда сохранилась до наших дней, и слышал я ее из уст местных жителей, когда этим летом был в селе. А не использовал в первом очерке лишь потому, что меня смущало одно обстоятельство. В качестве врагов в этом предании действовали турки. Но ведь известно, что турки в этом крае не были. Поэтому мне показалось, что это — пустая, недавняя выдумка, лишенная реальных основ. И я ее отбросил.

И вдруг недавно случайно наткнулся на запись этой легенды, которую сделал замечательный исследователь-краевед П. Мартынов в XIX веке. (Здесь и пришло, что турками

назывались, видимо, все враги; как в Великую Отечественную и после войны олицетворяли в себе всех врагов — немцы).

Эта легенда основывается на реально существующих фактах и деталях. Дело в том, что около Тушны найдены четыре стана лесных разбойников. Один из них называется Кудеяров городок. Расположен он был возле истока реки, в 12 километрах от Тушны, в неприступном месте, среди гор. Вероятно, городок этот представлял собой крепкое место. Вообразите только, что от него к Волге уходила шоссейная дорога длиной в 10 километров (кстати сказать, такие городки найдены и возле сел Кременок и Криуш).

Вот из этих станов разбойники и делали набеги: грабили, убивали. Чтобы вовремя, своевременно готовиться к обороне, тушнинцы на одной из самых высоких соседних гор с названием «Маяк» поставили наблюдателей, и на самой вершине установили длинный шест. Как только сторожа замечали движение врагов по направлению к селению, они моментально убирали этот шест. И видя это, жители уже знали, что нужно срочно бросать все свои мирные дела и браться за оружие, чтобы по достоинству встретить врага. И встречали, и давали мощный сокрушительный отпор. Но бывало и по-другому.

Но вот наблюдатели стали замечать, что конный отряд, дойдя до определенного места, — до овражка, где росла высокая кудрявая береза, — не могли двинуться дальше. Лошади не шли, взбрыкивали, ржали и никакой силой нельзя их было двинуть вперед. Разбойники поворачивали обратно.

Так повторялось несколько раз. Тогда сельчане решили обследовать тщательно эту местность. Разузнать, в чем причина такого непонятного поведения лесных братьев. И когда они подошли к березе, из-под которой бежала вода, то в ключе им явилась икона Параскевы-Пятницы. И они поняли, что образ св. Параскевы спасал их селенье от разбойных набегов. Около святого родника разбойники и их кони слепли.

Такое вот предание об образе Параскевы-мученицы.

Но кто она такая? Если сказать в двух словах, то Параскева-мученица жила в годы правления римского императора Диоклетиана, который предпринял жестокие гонения на христиан в 303—304 гг. Параскева вынесла все пытки, все мучения за веру с достоинством. И хотя ее казнили, отрубили голову, в духовном смысле, в силе духа она вышла победительницей над палачами.

Подробно о житии св. Параскевы-мученицы можно прочитать в церковных книгах. Но народ создавал и свои предания, свои легенды о святой. И все потому, что ее образ был всегда любим и почитаем в народе, особенно среди женщин, они считали и считают ее своей, сугубо женской заступницей.

Вот, например, одна из легенд, записанная выдающимся русским писателем и этнографом С. В. Максимовым: Прасковья с мужем была дома, «...глядь, входит к ним в избу какой-то парень и бает: «Тетка Прасковья, пойдем к нам на повой». Дело было ночью, Прасковья не разглядела, что за парень пришел к ней, встала с печи, оделась и пошла с ним. Парень привел ее в баню. А в бане-то на всех полках и повсюду сидят черти. Испугалась Прасковья, хотела было убежать да одумалась: если, мол, Бог не попустит, так черти не съедят. Сказала этак-то матушка и видит, что на полке лежит девка и мучается родами. Подошла к ней Прасковья, помолилась Богу и стала опрастывать. А старший-то сатана и бает ей: «Смотри ты, баба! Повивать повивай, а только чтобы без молитвы, а не то я тебе такого перцу задам!..». Одначе матушка Прасковья не испужалась и, как только девка опросталась, погрузила с молитвой ребенка в воду и тихонько, чтоб не видели черти, надела на него крест. В это самое время пропели кочета, и баню вдруг как вихрем подняло: все окаянные и девка пропали, и матушка Прасковья осталась с ребенком одна. Взяла она этого ребенка, принесла домой, а муж опять на нее напустился: «Эй, баба! Говорил я тебе, чтоб ты не ходила. Молись теперь Богу, чтоб он заступился за тебя и спас от чертей...». Только черти на том не помирились, и задумали они за то, что Прасковья взяла у них ребенка, сделать ей штуку: стали они смущать царя, чтобы он замучил Прасковью. А царь-то был нечестивый. Призвал это он матушку к себе и стал ее улещать, чтобы она покинула христианскую веру, а когда на эти царевы слова Прасковья согласия своего не дала, он взял да и велел отрубить ей голову. Это случилось в пятницу, поэтому и зовется мученица Прасковья «Пятницей».

Вот такой фольклор о святой, образ которой являлся на многих родниках нашего края...

Теперь пора вернуться к разговору в Новоульяновске (речь шла о письме, в котором была просьба помочь отыскать родник).

— Ну и что? Ответили вы ему? Помогли отыскать ключ?

— спросил я, заранее почему-то уверенный, что получу утвердительный ответ.

— Нет...

— ?

— Его уже нет, — уточнил мой собеседник.

— ??? — я испугался, подумал, что того больного нет в живых и в душе уже пожалел его: мол, вот как получается, хотел человек подлечиться чудодейственной водой (может бы, и выкарабкался из болезни), да не успел...

— Да я не о том, — увидев испуг в глазах, поспешил успокоить меня Юрий Иванович, — не человека нет, а родника.

Но испуг и досада от этого не прошли, не растаяли, а как-то еще больше укоренились в душе.

— Как это нет? — начал допытываться я.

Но так и не получил вразумительного ответа.

«Как это нет?» — все повторял я про себя, когда вышел из горисполкома и шел по шумной городской улице в направлении бывшего села Кременки. И сам себе отвечал: «Да не может этого быть. Ведь это известный родник. О его целебных свойствах знали люди и раньше. Да и сейчас вот он лечит, подтверждением тому — не только письменное свидетельство, а и то, что некоторые жители города цементников до последнего времени ходили к этому истоку постоянно и в снег, и в мороз, и в дождь, и в слякоть. Да если бы вода была бесполезной, да кто бы заставил в любую непогодь грязь месить».

Знал я и то, что пить из него можно, не боясь, что застудишь горло. А вот воды из Осинового Лога, другого местного родника, надо опасаться. Напьешься там, — обязательно простудишься. Раньше так и говорили:

— Где это вы простудились?

— Да из Осинового Лога напились...

Не теряя надежды, что с родником ничего не случилось, я обратился к старушке, шедшей из магазина с сумкой, из которой выглядывали кирпичики ржаного хлеба, и с палочкой-клюшкой, на которую она опиралась:

— Бабушка, я слышал, что у вас здесь есть целебный родник.

— Нет, миленький, у нас нет.

У меня упало сердце.

— Да как же нет-то, а ключ Параскевы-Пятницы, «Под часовней»-то?

— А-а, — спохватилась она, — есть, есть, право, есть.

Там народ собирается летом на девятую пятницу.

У меня отлегло от сердца: значит жив родничок, ну и хорошо, ну и слава Богу...

То что родник жив, подтвердили и другие старожилы.

Вернее, — пока еще жив... Дело в том, что в том месте, где он протекает, земли отдали под садово-огородные участки. А известно, что распашка-раскопка земли, нарушение поймы губит даже большие реки, не говоря уже о роднички. Тем более, это не мощный ключ, а вскипающий струйками, с трудом выбивающийся из земли источник.

Жители говорили и о другой беде: неисправную канализацию, которая проходит по берегу, давно не ремонтировали. И есть опасность, что нечистоты подойдут к роднику. И он может превратиться из лечебного, полезного — во вредный.

Родник по сути заброшен. И одной из многих причин такого отношения к бесценному дару природы является то, что в городе привыкли к чистой воде. Дело в том, что для горожан ее гонят по трубам за 24 километра — из Тушнинских родников, одних из самых лучших в нашей области. Поэтому и не очень-то заботятся здесь о своих собственных ключах, которые совсем рядом, под рукой.

Конечно, если бы, как ульяновцы, они пили экологически грязную воду из Свияги да из Волги, то, наверное, намного чаще с бидонами совершали походы к родникам, а, следовательно, и следили бы, ухаживали за серебряными источниками. А так получается: что имеем, не храним...

Как не сберегли и другой ручей, который наполнял в Кременках деревянный чан. К нему сходились в Крещение верующие. Теперь воды нет, сухое место. Но верующие все равно собираются. А воду во время обряда берут из водоразборной колонки.

Как-то унизительно и обидно выглядит все это. И не потому ли старые люди села, ни на что не жалуясь, просили лишь об одном — сохранить и благоустроить целебный родник «Под часовней». Все напоминали: «Вы уж напишите об этом...».

МОНАСТЫРЬ НА САМОРОДКЕ

Слышал не раз, что здесь, в Барышском районе, самые грибные места. Мне бы, заядлому грибнику, самому в разведку сходить. Побродить с корзинкой в осинничке да березнячке, да в сосновый медноликий бор заглянуть. Да уж где там, — на дворе поздняя осень: какие маслята-опята, неделя, другая, и новогодние елки из леса повезут. Они и сейчас уже принаряжаются: белым инеем припорошены, да и в ногах уже первый снежок рассыпан. Сверкает, переливается на восходящем солнце...

Лес то удаляется от дороги, то снова подбегает прямо к асфальту. И вдруг — чудо: почти у самой кромки шоссе, как по линеечке, стоят могучие, красивые, ну, прямо — царские сосны.

Редко встретишь такую красоту. И главное, — это не случайные остатки леса. Деревья специально посажены и выращены. Кто, какие добрые руки оставили эту красоту людям (наверное, сто, а может, и больше лет назад)? Расспросить бы в соседних селах об этом рукотворном чуде. Там наверняка что-то знают и помнят.

Но «Икарус», не задерживаясь, мчится дальше. И я успокаиваю сердце лишь тем, что говорю сам себе: если душа, действительно, бессмертна, то благодарность людей (и моя в том числе) дойдет, разыщет того человека, который оставил на земле эту благодать.

Еще раз убеждаюсь, что жили и живут в этом крае поэтически одаренные люди, когда читаю на мелькающих дорожных указателях названия селений: Акшуат (тюрк. — белый источник), Семиродники, Лесная Дача, Красная Зорька...

Стоп, здесь надо потише: впереди речка Самородка, а за ней, сразу (знаю из старинных книг) должна быть поляна и средь этой поляны живоносный, святой родник.

Спускаемся по отлогому склону к речке, справа тянутся дома. У одного из них за громадной горой расколотых дубовых поленьев замечаю мужичка с легким топором и в малахае. Порываюсь остановиться и спросить о целебном роднике. Да передумываю: неохота отрывать человека от работы, да к тому ж, жалко разрушать картину, возникающую из-за этих дров в воображении: трещат крещенские морозы, на сотни тысяч верст все белым бело. Стекло от толстой наледи не продышать. Утро, тишина, и бесшумно к заинде-

вевшему небу поднимаются из труб сизые дымы. А в избе тепло и уютно, потрескивают дрова, стучат ходики... (Мужичок все щелкает и щелкает дубовые кругляши).

Но расспросить об источнике все равно пришлось, потому что за речкой никакой поляны не оказалось. Лишь в гору поднималась дорога, щедро посыпанная от гололеда желтым песком.

Местная женщина, приостановившись, заинтересованно начала объяснять:

— Святой родник? А вон, слева, где гора кончается.

Я и сам заметил этот источник: под горой из старинной кирпичной кладки торчала поникшая труба, словно дуло подбитого танка...

Но мне не верилось, что это тот самый знаменитый родник. Потому что предстал он в таком забытом, запущенном состоянии (и не на поляне, а посреди села), что, действительно, трудно было в это поверить. Оттого я и переспросил несколько раз: на самом ли деле, — это тот самый родник?

— Он, он самый... — она показала рукой в его сторону и заключила, — Вон видите ведра стоят? — туда и идите.

Тропинка привела к роднику. Конец трубы опущен почти до земли, внизу из четырех дощечек сбита какая-то рамка, в этой рамке стоит вода, доходящая почти до трубы: ни напиться, ни воды набрать. Даже небольшую банку мне пришлось опускать в эту стоячую воду. Булькала вода, а мне думалось: почему люди так одичали. Ведь это совсем нетрудно — обиходить родник, и больших средств на это не нужно. Неужели сельсовет, да и сами жители не догадаются позаботиться об источнике, который их поит? Тем более еще не так давно здесь был чан, струйки выбивали из-под низа. Вода, словно начинала закипать. Но проходили дни, годы, а она все никак не могла вскипеть. Об этом чане многие жители Жадовки еще помнят. Ну, а что было почти 300 лет назад, многие даже и не слышали.

А в начале XVIII века, по преданию, случилось вот что.

В селе Ивановском, которое ныне называется Румянцево и находится в семи верстах от родника, жил больной человек Тихон. Не мог он пошевелить ни рукой, ни ногой, не мог ни с места подняться, ни шагу ступить. Говорили, что болезнь его неизлечима. Да он и сам это хорошо понимал. Но все равно никогда не унывал, не поддавался болезни и терпеливо переносил мучительные страдания.

Однажды летней ночью, когда боли, как начались с вечера, так и не утихали почти до утра, когда он уже терял самообладание и готов был пасть духом, вдруг привидилась ему благородная, благообразная девица. Подошла она к нему поближе и говорит: «Встань, Тихон, и пойди на село Жадовку, на поляну, которая находится за речкой Самородкой, там на ключе ты увидишь Казанскую икону Богоматери, почерпни из этого родника воды, испей, и ты получишь освобождение от долговременного твоего недуга».

Но Тихон не придал этому значения, подумал, что это был обыкновенный сон, а во сне мало ли что может пригрезится.

Но на следующую ночь в это же время, — перед зарей, — снова появилась девица. И начала говорить Тихону уже с упреком: «Что же ты не веруешь моим словам? Почему не пошел на то место, куда я тебе говорила?».

Тихон начал оправдываться: «Как же я пойду, когда даже пальцем пошевелить не могу».

А девица настаивает на своем: «Встань, оденься и иди, куда я тебе сказала...».

Промолвила так и снова пропала.

Но удивительное дело: с трудом, но Тихон все же встал с постели, оделся и тихонько, чтоб не разбудить родных, вышел за порог.

Только-только поднялось солнце, пели птицы, словно рассыпанными из царской казны бриллиантами, в придорожной траве блестела, переливалась крупная роса, вдалеке на пригорке золотилась пшеница. И от этого всего так было хорошо. Но еще больше радовалась душа от того, что наступало выздоровление.

Целый день до позднего вечера пробродил Тихон в окрестностях Жадовки: средь полян и перелесков отыскивал тот заветный ручей. Но так и не нашел. И сильно огорченный направился домой. А дома — уже целый переполох: куда подевался калека? Всякое в голову лезло, была и такая думка: может, кто-то из родных иль знакомых рано-рано заехал на подводе и, не предупредив никого, увез его к себе погостить.

Сидят, думают-гадают. Глядь, а Тихон своими ногами ступает на порог. Домочадцы так и обмерли. Поохали, поудивлялись и стали, перебивая друг друга, расспрашивать: почему так произошло? А Тихон — рот на замок и молчок. Ни словом не обмолвился о своей тайне.

А ночью перед рассветом снова ему привиделась та де-

вица. Похвалила его, что исполнил ее совет. А под конец сказала: «Не печалься, Тихон, нынешним днем ты отыщешь родник...». И пропала, словно ее и не было.

Утром снова Тихон отправился в путь. Правда, родные в этот раз не отпустили его одного (как бы чего не случилось), дали в провожатые соседскую девочку.

В этот раз, словно какое-то чутье, интуиция вела Тихона. После села Жадовка он прошел еще три версты, потом свернул направо, спустился к речке Самородке, перешел ее и очутился на цветущей поляне. Родника не было видно, лишь слышно, как слева, в густых кустах звенит серебряными голосами ручей. Он раздвинул кусты. Но дальше пройти не смог — впереди было сырое, хлюпкое место. Тогда из жердей Тихон соорудил сходни. И когда прошел по ним к источнику, то на поверхности заводинки увидел Казанскую икону Богоматери.

От восторга у него заколотилось сердце. Он не мог нарадоваться чудесному явлению.

Как велела девица, Тихон испил из родника воды и почувствовал, как болезнь окончательно оставила его. И тело наполнилось здоровьем и силой.

Девочка, оставшись на поляне одна и видя, что Тихона долго нет, — заплакала от испуга. На плач прибежали два пастуха, пасшие невдалеке стадо. Они тоже оказались свидетелями явления чудотворной иконы на ключе. А вскоре собрался здесь народ с окрестных сел и деревень. Многих больных и калечных излечила чудотворная икона и живоносный родник в этот раз.

Вникая в легенду, я ловил себя на мысли, что она в чем-то перекликается с былиной об Илье Муромце. Ведь он таким же, как и Тихон, был немощным. Так же испил живоносной воды. Так же ощутил в себе здоровье и силу. Хотя в конкретике, в деталях имеются, безусловно, и различия. Но это еще раз заставляет предположить, что в этих преданиях лежат какие-то реальные основы, события.

На месте явления чудотворной иконы была построена Жадовская пустынь (пустынь — небольшой монастырь в малолюдной, пустынной местности).

Вот как говорится об этом: «Жадовская пустынь находится в 130 верстах от Симбирска, в Карсунском уезде, на юге от Карсуна в 30-ти верстах при речке Самородке, впадающей в Барыш. Имеет приятное расположение среди леса на горе, при подошве коей на лугу течет означенная речка и ключ с прекрасною водою».

Речка Самородка, за ней поляна, дальше возвышение, — гора, вдалеке лес. Удивительно красивое место. Да рядом еще — святой ключ «с прекрасною водою». Представляю, какое эстетически сильное впечатление производил монастырь среди этой красоты на прихожан. Я тоже хотел испытать это воздействие, но не смог: еще с дороги шарил взглядом по окрестностям, но так и не удалось наткнуться на монастырские стены. В поле зрения попадалась разбитая дорога, разбросанные низенькие домишки. И только здесь, вблизи у живоносного родника, когда, оторвав взгляд от звенящей струи, я стал осматривать гору, обнаружил остатки монастырской стены из красного кирпича. С высокими, просторными воротами посередине и с башней на углу.

С горы подул ветерок, словно в лицо дохнуло древностью, — из глубины веков.

На территории бывшей пустыни сейчас находится учхоз Жадовского совхоза-техникума. Настроенные по монастырской горе домишки рядом с уцелевшими островками старинной постройки выглядят как-то чужеродно и убого.

С лесной стороны, почти на самом краю оврага сохранилась башня. И даже после многолетнего разора она выглядит крепкой и монолитной. Рядом с ней сбиты из досок хозяйские сарайчики, и для охраны привязана на цепь собачонка. Но такое впечатление, что она охраняет не хлева, а эту башню, исторический памятник. И потому, наверное, вырвались слова, обращенные к этой рыжей охраннице: «Раньше бы надо охранять... Лет на шестьдесят раньше...».

Я осмотрел еще раз остатки стены со стороны ключа. Прошел сквозь пустые ворота. Целебный родник оказался левее, — значит, дорога раньше проходила именно здесь, напрямую, а не огибала гору, как сейчас. Огорчило еще и то, что около стены навалено много всякого хлама и мусора. Теперь мне становились понятны жалобы местных жителей, что в последнее время вода в ключе стала терять былое качество. Да и как же не терять-то, — ведь эти нечистоты могут попадать и в родниковую жилу.

Сохранились на горе три вместительных белых здания. Они настолько крепкие, что кажется простоят и еще сотни лет. Просторные окна с каменными наличниками отражают предзимние небеса.

Пытался я расспросить местных жителей об истории этих мест. Но большинство из них — люд приезжий, и ничего они о том не ведают. Они сами были бы рады, если кто-то что-нибудь рассказал.

Правда, мне в конце концов посчастливилось встретить местного старожила, старика, опиравшегося на палочку из лещины.

Он оказался не очень-то разговорчивым, и все же, хотя и лаконично, но ответил на мои вопросы.

— Слышал я, что иногда монахи перекрывали воду в святом ключе, и он как бы пересыхал. И сельчане верили, что эта кара им в наказание за грехи.

— Такого что-то не припомню. Да и от родителей не слыхивал. Это просто выдумка, наверное. Ведь вода-то живая, как ее можно перекрыть. Если под землей жилу замкнешь в одном месте, то влага пробьется в другом. В общем, это зряшное дело...

— Слышал в Жадовке и такую прибаутку-присказку про чернеца: «Днем монашит, а ночью ералашит».

— Наверное, какие-то основания для этих слов были. Но я так же скажу: в семье не без урода. А если говорить о всей братии пустыни, то монахи блюли нравственность. К тому же, здесь больше говорится не о монахах, а вообще о двуличных людях.

Спросил я старика и еще об одной истории. В Барыше рассказали мне, что какой-то монах замуровал себя в монастырской башне заживо.

Но на это старец не мог ответить даже и кратко. Разгадку этой легенды я разыскал сам. Но все по порядку.

После явления иконы Божьей Матери на этом месте началось строительство. Сначала на этом живоносном ключе была построена деревянная часовня. Потом поднялась церковь. Средства на все эти постройки отпускали местные помещики. Особенно отличался усердием и щедростью помещик Иван Обухов.

В 1714 году в трех верстах от Жадовки была официально основана Жадовская Казано-Богородская пустынь.

Вклад средств в развитие пустыни продолжался. И. Обухов, кроме денежных средств, отрезал в пользу монастыря от своей земли участки.

Его примеру последовали и другие. Правда, не все подарки были такими щедрыми. Дарил кто что мог. Например, капитан Иван Никитич Осин завещал «два рубля да буланого коня».

Значительной добавкой в доходах пустыни служила ярмарка, которая была открыта в 1737 г. и проводилась ежегодно летом в день явления чудотворной иконы.

Кроме этого, братия выращивала скот на продажу. И уже тогда в монастырских трудовых занятиях на одном из важ-

ных мест было пчеловодство. (Кроме скота, продавались и восковые свечи).

В 1746 году было завершено строительство каменной церкви. Главный строителем ее являлся бывший тогда в пустыки Г. Аблязов.

Именно это имя связано с легендой о замурованном заживо в башне монастыря монахе. Поэтому расскажу о нем подробнее.

Григорий Афанасьевич Аблязов, — так звался этот человек в миру, до ухода в монастырь, — вначале состоял на военной службе. В последнее время был «от кавалерии гренадерского полка полковой квартирмейстер». А потом дослужился и до капитана.

Кроме всего прочего, Г. А. Аблязов являлся богатейшим симбирским помещиком, имевшим обширные именья в Пензенском, Курмышском и других уездах. В общем, жил припеваючи, ни в чем материально не нуждался.

Что его заставляло от всего отрешиться, отречься от мира и уйти в пустынь? Может, несчастная любовь, или другая какая-то жизненная трагедия, или глубокая природная набожность, — трудно сейчас дать ответ.

Но дело в том, что Григорий Аблязов не просто стал монахом, а принял в пустыни схиму, требующую от посвященного в нее исполнения суровых аскетических правил. И он действительно строго выполнял их, вел самоотверженный, подвижнический образ жизни. За что его уважали и монахи, и прихожане. В самом верху колокольни схимник устроил сам себе узкое, тесное место (а не заживо замуровал себя) и долгое время жил там. Погребен он в земле на территории монастыря.

Этот пример еще раз доказывает то, что в каждой легенде есть реальные истоки. Легенда сгущает краски, гиперболизирует ситуацию, но суть все же остается нетронутой.

В 1764 году Жадовская пустынь была закрыта, упразднена. И лишь в 1846 г., через 82 года, она снова возникла, — как писалось, — «к общей радости всей Симбирской паствы». (В общем, для сегодняшнего открытия, спустя десятки лет — есть прецедент).

Этот период ее существования уже ближе к нашему времени. И многое из истории должно сохраниться, переходя из уст в уста. На это я и надеялся, когда встречался со старожилами ближних мест.

Один из таких людей — старый учитель, преподававший в местной школе 30 лет, фронтовик, отмеченный боевыми наградами, Борис Васильевич Бирюков.

Располагает он к себе сразу очень ценным качеством — стойкой жизненной философией созидания. Часто любит повторять: прежде, чем срубить дерево, сначала посади и вырасти два. Его так и зовут в селе «наш лесник». И действительно, если дело касается родной природы: лесов, речек, родников, — он ничего не боится, грудью встает на защиту, хоть ему уже за семьдесят.

Недавно был случай. Решили построить в селе так называемое соцкультздание. И лучше не нашли места, чем там, где рядом с техникумом поднялся садик, который учитель сажал вместе со своими учениками. Сад намечалось вырубить.

Ветеран выступил категорически против этой варварской затеи, не дал уничтожить деревца. Сначала в селе воевал, а потом и в районную газету написал. Отстоял.

Но это — бескровная борьба, а были и более крутые схватки. Однажды местный завхоз развернул сплошную, безжалостную рубку ольхи вдоль Самородки. Утром Борис Васильевич услышал стук топора, долетавший от речки, сердце екнуло: что-то неладное творится. Бросив домашние дела, он кинулся к речушке. А там высокий, стройный ольховник, царапая вершинами чистое весеннее небо, как подкошенный, падал на землю.

Учитель подбежал к крайнему деревцу и распростер руки: «Не дам!». Разгоряченный лихой работой, порубщик, подняв в замахе топор, пошел на безоружного защитника: «Уйди, — зарублю!». Но Бирюков не смалодушничал, и в этом рискованном единоборстве вышел победителем...

Интересуюсь: откуда в нем эта, так сказать, экологическая непримиримость, щепетильность?

«Конечно, от великих русских писателей, о которых всю жизнь рассказывал ученикам, — не задумываясь, ответил Борис Васильевич. — И еще — от отца».

— А кем он у вас был? — пытаюсь продолжить разговор, словно вытягиваю слова за ниточку.

Школьный учитель немного замялся, задумался, а потом как-то резко поднял голову и ответил: «В детстве — мальчиком-послушником в монастыре, потом псаломщиком и дьяконом в церкви, а потом уже оставшуюся жизнь — сапожником».

Как-то само собой, случайно, все опять повернулось к пустыни.

...Много отец рассказывал о монастыре. Но почему-то особенно запомнился эпизод с самоваром.

Игумен Макарий вставал рано. И потому в обязанность послушника Василия входила и такая работа, — залить самовар водой из родника; с помощью сосновых шишек и хромового сапога разжечь его, и ровно в пять утра, когда самовар загудит, заверещит, забурлит белым ключом, поставить на стол перед настоятелем монастыря. Подросток исполнял это дело добросовестно и пунктуально.

Не потому ли и он сам всю жизнь, какие бы сложные жизненные перепитии ни приключились с ним, не изменял привычек: всегда рано-рано утром пил чай. А сложных ситуаций с ним и семьей было немало.

В гражданскую войну несколько местных купцов (в том числе купца первой гильдии Киселева, в доме которого сейчас располагается сельхозтехникум) и священника вывели за село, заставили самих для себя вырыть могилу. И расстреляли.

В то суровое и беспощадное время такое могло запросто случиться и с псаломщиком, исполнявшим обязанности дьякона. И тогда куча малолетних детей осталась бы сиротами. В ту пору трагедия обошла семью стороной. Но вспомнилось религиозное прошлое отца, когда нагрянуло время раскулачивания...

Всего мать родила 18 детей, но в живых осталось девять. Кроватей не было, стелили на ночь всем на полу. И когда дети улягутся, мать принималась пересчитывать их по головам. Потом кричала: «Отец, одного не хватает!». Все принимались искать. А это самый младший, — Колька заигрался на печке меж валенок и там же уснул. Колька же чуть не подвел отца, так сказать, под монастырь.

Пришли раскулачивать. В команду входит сельский учитель — добрый, справедливый и жалостливый человек. Начальник приказывает ему: «Посмотри в подпол, там должна быть картошка». Действительно, в том году урожай был неплохой. Но все равно на такую ораву картофеля хватило бы лишь до весны.

Учитель заглянул в подпол и слукавил: «Да нет здесь ничего, — пусто». Но тут вклинился маленький Колька, подошел к мужику с наганом и талдычит: «А у нас в крапиве машинка спрятана. А у нас в крапиве машинка спрятана...». Ладно еще плохо буквы выговаривал и постороннему человеку не понять, что он там лепечет. А то бы не сдоброват.

Ведь на самом деле, в крапиву от недоброго глаза швейную машинку схоронили, которая помогала отцу сапожничать, он на ней кожи сшивал (без нее остался бы, как без рук).

Когда началась Великая Отечественная, все шесть сыновей Бирюковых ушли на фронт. Все шестеро служили офицерами. Двое погибли в бою, а трое умерли от ран уже после Победы, в мирное время. Сейчас Борис Васильевич остался без братьев один. Особенно добрым словом он отзывается о Василии.

И не только он, но и жители с. Заречное, где долгое время брат работал председателем местного колхоза. (За труд был награжден орденами).

Нет человека в живых, а дела его памятны. Например, то, что не дал разрушить в селе церковь. Так и сказал: «Пусть будет там склад, но разрушать до конца не дам». И это не потому, что отец у него был когда-то священнослужитель, а просто душа с детства противилась разрушению. Ведь разрушать всегда легче, чем строить.

В настоящее время в районе восстанавливаются, реставрируются некоторые храмы. Первой открылась церковь в с. Заречном.

Рассказывал отец и о крестном ходе, но что конкретно, — Борис Васильевич уже не помнит.

Крестный ход с чудотворной иконой Казанской Божьей Матери из пустыни в Симбирск был большим событием для губернии. Да что там для губернии. Чтобы встретить икону, приезжали многие из дальних сторон. Но вначале немного о том, что представлял из себя этот образ, явленный, по преданию, на ключе близ с. Жадовки.

Высотой икона — 6 вершков (26,4 см), шириной 5,5 (24,2 см); обложена серебряным листом (84 пробы) в золотой ризе (72 пробы). Украшена бриллиантами, золотом, яхонтом, изумрудом. Письмо — древнее.

Где сейчас эта реликвия, одному Богу известно.

В 1847 году по просьбе дворянства и граждан Симбирска было официально разрешено приносить ежегодно 15 мая (28 мая — по новому стилю) св. икону из пустыни в Симбирск, т. е. совершать крестный ход.

Конечно, если бы ехать на подводах, то 130 верст можно было бы преодолеть довольно быстро. Но в том-то и дело, что люди всю дорогу шли пешком. Поэтому выходили из пустыни за семь дней до назначенного срока. Сопровождали икону два священника, дьякон и несколько других служителей.

В селах, которые стояли на пути, икону под колокольный звон встречали толпы народа. В местных церквях свершалась служба. Проводы тоже были торжественными.

Во время крестного хода люди приносили (кто сколько мог) материальные пожертвования. Монастырская казна значительно пополнялась.

В день прибытия иконы в Симбирск в 6 часов утра торжественная процессия поднималась из пригородного села Баратаевки по направлению к городу.

У каменной часовни, выстроенной на Московской дороге специально для такого события, собирался народ и духовенство. Здесь совершался молебен и возглашалось многолетие Симбирску.

Потом, уже в городе происходило торжественное шествие всех горожан, но не как попало, а определенными колоннами, под звон колоколов и барабанный бой (ну, по-нашему, современному — демонстрация).

И уж только после этого в Троицком соборе при архирейском служении совершалась литургия.

Но на этом путешествие иконы не заканчивалось. Пока гостила в губернском городе (а пребывание длилось более месяца), она перебывала во всех церквях и монастырях города. И только после этого так же торжественно возвращалась в пустынь, — туда, где много лет назад явилась на ключе.

...Многое хранят эти места: речка Самородка, гора над живоносным родником, лес вдалеке. Много они видели человеческих судеб со слезами и радостью...

Вроде бы и не так давно все это было: стоял красавец монастырь, и летел по небу над округой колокольный благовест. Но почему-то кажется то время таким далеким, — словно волшебная сказка или легенда. Но, может, придет время, и пустынь снова станет явью. Ведь сейчас многие храмы и монастыри возрождаются. Тем более, Жадовской пустынью недавно интересовался сам Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II.

Я прощаюсь с этой местностью, пью пригоршнями воду из святого родника, который почти 300 лет назад отыскал в безлюдном месте, возле поляны в глухом ивняке поселянин Тихон.

Вода обжигает январским морозцем, — словно холод и пламя прошедших веков.

ИСЦЕЛЕНИЕ ОТ ИЗУРОЧЬЯ

Маршрут этот намечен был мной давно. К поездке в с. Копышовку Майнского района я готовился заранее и тщательно. Изучил автобусное расписание, выбрал такие рейсы туда и обратно, которые позволяли не тратить попусту командировочное время. Подготовил посудину для родниковой воды. В общем, был в полной боевой готовности. Оставалось лишь завтра утром встать пораньше, добраться на перекладных до автовокзала, а там билет — в карман и кати по зимней, перечеркнутой поземкой дороге к светлому роднику.

Но перед самым отъездом командировку пришлось отменить. В последний момент узнал, что в этом селении целебного источника нет.

А получилось все так. В одной из старинных книг я наткнулся на очень лаконичную, скупую запись: «... в с. Копышовке (в 4 верстах от Тагая) — образ Смоленской Божьей Матери, явившейся на источнике, на границе с землями с. Тагая, на ключе, который по новому разверстанию земли отошел к Тагаю; поэтому жители желали и образ взять в свою церковь; но, по преданию, образ несколько раз уходил из Тагая в с. Копышовку (т. е. перенесут образ в Тагай, а наутро глядь — икона вновь на своем старом месте, в копышевской церкви. — В. Д.) и до сих пор там находится».

Издание было авторитетным, и у меня не возникало ни малейшего сомнения, что именно в этом месте находится один из немногих целительных родников области. И вдруг, знакомясь с краеведческой литературой совсем по другому поводу, я наткнулся на иную историю появления чудотворной иконы в этой местности. И связана эта история с жизнью тагайских стрельцов.

Тагай — одно из старинных селений нашего края. В давние, далекие времена поселились здесь стрельцы. Жили, государственную службу исправно исполняли. Но вдруг навалилась на них в 1656 году беда — «моровое поветрие», другими, современными словами, — страшная эпидемия. Смерть своей остронаточенной косой делала такие широкие прокосы в народе, что ужас сжимал сердце.

Вот тогда стрельцы поклялись, пообещали (чтобы прекратился мор), что они пойдут в г. Смоленск, в местный мо-

настырь и преклонят колени перед чудотворной иконой Божьей Матери.

И действительно, эпидемия сначала приостановилась, а потом и вовсе заглохла. Тогда вот стрельцы и выполнили свой обет. Они отправились в далекий Смоленск, мастера-художники «списали» им образ с подлинной иконы. И эту копию с иконы Смоленской Божьей Матери они доставили торжественно в Тагай.

Нужно сказать, что обращение за помощью в мыслях на расстоянии к чудотворным иконам в былые времена практиковалось нередко. Подобный случай известен и с чудотворной иконой Казанской Божьей Матери из Жадовской пустыни.

В 1846 г. у помещицы села Уваровка заболела дочь. Что только ни делали, чем только ни лечили, каких только медицинских светил ни приглашали к больной, польза, — как мертвому припарка. Девочка гасла на глазах.

И мать, дошедшая до крайнего отчаяния, помыслила, что возьмет в дом икону из Жадовского монастыря. И вдруг свершилось чудо, — здоровье у девочки пошло на поправку. Через некоторое время она уже вовсю наигрывала со своими сельскими подружками, вместе с ними весело и звонко смеялась, совершенно запамятовав о том, что совсем недавно все это для нее могло бы навсегда оборваться. Мать строго выполнила свое обещание. По ее просьбе икону принесли из пустыни в ее дом. И она гостила там.

Есть и другие истории о подобном чудесном исцелении. Но я не буду их пересказывать. Теперь и так ясно, что событие с принесенной в Тагай иконой вполне могло иметь место (являясь у наших предков обычным житейским делом).

Так вот, когда посланцы с копией чудотворной иконы из Смоленска приближались к Тагаю, весь народ вышел их встречать. На месте этой торжественной встречи была поставлена деревянная часовня. Правда, простояла она, к несчастью, недолго. Вскоре по неизвестной причине — сгорела.

На ее месте была выстроена в начале XVIII века новая. Но и здесь местных жителей постигла горькая потеря. Список иконы забрали в Симбирский Покровский монастырь, а здесь оставили лишь копию с копии. Но и из-за этой «репродукции» разгорелись шумные споры, переходящие в открытые, отчаянные распри.

Дело в том, что часть тагайских стрельцов переселилась

в соседнюю Покровскую Копышовку, и они потребовали, чтоб копия с чудотворной иконы находилась в их селе.

Те давние события тоже любопытно исследовать. Но о них нужно вести специальный особый разговор. А сейчас мне необходимо установить: был ли в Копышовке святой родник или нет. Первая версия утверждает, что — да, был, так как Смоленская икона Божьей Матери явилась на светлом ключе. Вторая версия говорит о другом, что икона была принесена стрельцами из Смоленска, а значит, существование в этой местности целебного родника отрицается.

Я сделал уверенный выбор на второй. И в первую очередь, потому, что она принадлежит замечательному исследователю волжского края, симбирскому ученому-краеведу П. Мартынову, работы которого отличаются глубиной, четкостью и выверенностью. Ни единого раза мне не представился повод, чтоб уличить его в некомпетентности, в какой-то неточности или в фактической ошибке. В общем, поездка не состоялась.

Жаль, конечно... Но не о том, что я не съездил в село (наверное, все же побываю там), а о том, что не состоялось открытие целебного родника. И в моем списке живоносных источников на один стало меньше. А их вообще не так уж и много.

Всего в Симбирской губернии было зафиксировано чуть более 50 чудотворных икон. Но дело в том, что не все эти иконы — явленные на ключах и в колодцах. Большинство из них другого происхождения. Например, в с. Одоевщине Ардатовского уезда находилась чудотворная икона Божьей Матери всех скорбящих радостей.

А произошло все так. Однажды в местной церкви случился пожар. Сгорело все дотла, превратилось в пепел, и уцелела лишь только одна икона. Правда, задняя стенка тоже обгорела, но священный образ остался неповрежденным. С того памятного дня икона почиталась чудотворной.

А в с. Жданове Курмышского уезда имелась другая чудотворная икона Божьей Матери избавления от болезней.

Рассказывали, что благодаря этому образу, было прекращено распространение «моровой язвы» в селе и его окрестностях в 1750 году. Икона эта по приказанию местного помещика была перенесена из Москвы.

В общем, даже из этих пятидесяти чудотворных икон лишь малая часть — явленные на ключах.

К тому же, если учесть, что Симбирская губерния была обширнее нынешней Ульяновской области, — многочислен-

ные селения (в том числе с целебными родниками) отошли к другим территориям (о некоторых из них я уже писал), — то святых источников в нашем крае осталось совсем немного, — раз-два и обчелся. Тем более существовали такие целебные истоки, которые признавались лишь жителями того селенья да малой округи, где они находились (не получив всеобщего признания и поклонения).

Об основных, самых известных и почитаемых, читатель уже знает. Но не обо всех...

Есть еще один источник с целительной влагой. Находится он сравнительно недалеко — где-то в 40 километрах от города. А точнее, в окрестностях села Большое Нагаткино.

Вот как говорится о нем в одном старинном издании.

«В церкви с давних пор хранится чудотворная икона Божьей Матери всех скорбящих радостей, явившаяся в четырех верстах от села, близ родника, протекающего по Солдатскому оврагу. С тех пор этот родник называется «святым колодцем». Первоначально на месте явления иконы при колодце, оправленном в сруб, стоял столб с крестом, в настоящее время над родником стоит просторная деревянная часовня.

К часовне ежегодно 8 мая совершается крестный ход с чудотворной иконой».

Эта цитата взята из книги, изданной в начале нынешнего века, поэтому понятно, что ничего, о чем здесь говорится, уже нет и в помине: ни церкви, ни часовни. Нет и многих других старинных зданий: одни сожгли, другие разрушили, третьи до неузнаваемости переоборудовали (например, в конюшне бывшего знаменитого конного завода, сейчас — колбасный цех). Теперь уже многие понимают, что зря все рушили. И похвальба, — как мы лихо жгли помещичьи дома, — выглядела бы сейчас по меньшей мере неуместной. Действительно, если бы усадьбы сохранились, можно было бы там организовать, к примеру, дома для престарелых. Ведь многие старики сейчас беспомощны и беспризорны. Об этом, кстати, говорил мне бывший фронтовик (дважды раненый и контуженный), бывший председатель сельского Совета в Б. Нагаткине Алексей Васильевич Винокуров.

Слушая его рассказ, более всего я удивлялся тому, что, несмотря на свой преклонный возраст, на тяжелую болезнь, он все отлично помнит, даже то, что привелось ему увидеть и узнать в самом раннем детстве. Невольно сравниваю это с нынешним поколением: память у нас какая-то дырявая, с прорехами, сегодня увидели, узнали, а назавтра уже все бесследно выветрилось.

Алексей Васильевич помнит все досконально: не только фамилию, но и имя-отчество самого первого председателя ныне крепкого колхоза «Память Ильича» и последнего священника в селе — тоже хорошо помнит.

Интересен в моем поиске А. В. Винокуров и своей должностью. Ведь председатель сельсовета, как никто другой, знает и всю доверенную ему территорию и все то, что происходит на ней. В том числе, и о святом колодце.

Нужно сказать, что целебный источник находится недалеко от села, за районной больницей. (И соседство такое, думается, не случайное, а символическое). На самом деле, несмотря на отдаленность, многие жители Б. Нагаткино, ходят туда за целебной влагой. Вода удивительна, далеко по всей округе такой не сыщешь: наполнишь банку, а воды-то в ней и не видать, так она чиста и прозрачна, и уже не знаешь, теряешься, — то ли наливал, то ли нет.

Источник притягивает к себе людей. Весной и летом там происходит целое паломничество. Сельчане приезжают и приходят к роднику отдохнуть: посидеть на лужайке, испить водицы.

Одно тревожит: родник гибнет; он уже сейчас еле дышит: заилился, закуржавился. Год, другой — и может совсем иссякнуть, пропасть. Нужны срочные спасательные меры. Такие меры однажды А. В. Винокуров уже пытался предпринять.

Он сознавал, что необходимо обиходить целебный родник. Но как? Ведь в то время председателя сельсовета, так сказать, не поняли бы, если бы он начал благоустраивать святой колодец. Обвинили бы в возрождении в душах людей «религиозного дурмана». И не просто обвинили, а сделали бы немедленные оргвыводы. Поэтому председатель наметил обходной путь. Он решил сначала придать роднику статус минерального источника. Попросил санэпидемстанцию обследовать родник на предмет его полезности. Медики взяли пробы и категорически заключили: источник не минеральный. Но тут же добавили, — что в нем очень и очень много железа и других микроэлементов. Получалось, как в анекдоте: «В воде много, ну очень много железа, но она все равно — бесполезна».

Ну, а что же тогда, в конце концов, воды Железноводска, Кисловодска, в которых тоже обнаружено немало подобных микроэлементов?..

В общем, по непонятной логике, родник лишен «статуса полезности». И благоустройство его застопорилось на годы.

В нынешнее время, когда к нам возвращаются чувства и понятия общечеловеческих ценностей, необходимо возвратиться к роднику. Тем более все чаще, все требовательней местные жители просят спасти, благоустроить родник, к тому же больших материальных средств для этого не нужно.

С подобной просьбой выступили недавно трудящиеся колхоза «Память Ильича». И руководство хозяйства наметило провести спасательные работы на роднике. Думаю, еще успеют, еще не поздно.

А с другим целебным источником, видимо, уже опоздали. В Старом Никулине находилась чудотворная икона Владимирской Божьей Матери, явившаяся в колодце д. Дубенки (в 4 верстах от Никулина). В самый разгар лета, а точнее, 23 июня, к колодцу из церкви совершался крестный ход. Там же на два дня разворачивалась шумная, большая ярмарка.

Отшумела ярмарка, видимо, навсегда, отпоил, вероятно, людей своей живительной влагой и святой колодец. Говорят, что Дубенок, этой деревни, известной своей замечательной водой, уже нет, — умерла (во всяком случае в справочнике такой населенный пункт не значится. Есть Дубенки около Инзы, в Мордовии, но это не те). Наверное, погиб и колодец, — осыпался, заилился и потерялся окончательно для нынешних и будущих поколений.

Хотя все же маленькую надежду, что источник еще живет, дышит, вселяет слышанный мной не однажды восторженный рассказ о том, что недалеко от Старого Никулина, вблизи проселочной дороги имеется удивительный источник. Вкус его хрустальной воды несравненно лучше, чем у самых изысканных напитков, считают те, кто пробовал из него воду. А пьют из источника многие: проезжает автобус, обязательно остановится, чтоб напоить всех пассажиров, проезжает грузовик, шофер непременно тормозит, чтоб на минуту выскочить из душной кабины и утолить жажду, да и любой пешеход не преминет тоже наклониться над родником.

И потому мне мысль не дает покоя, — это тот самый, может, и есть святой источник, о котором говорится в старой книге и которому поклонялись наши предки.

Святых источников в нашем крае немного, сейчас известно всего семь таких мест. Одни расположены почти непосредственно у Волги, другие впадают в Суру, остальные — в Барыш, в Бирюч, в Усу. Это обстоятельство я невольно сопоставляю с высказываниями скептиков, которые утвержда-

ют, что святые источники просто «назначались» людьми. Но даже если так, то все же непонятно, почему выбрали именно этот родник, а не другой? Почему они распределены неравномерно? И их мало? Например, в Тушне — бесчисленное множество родников и близко и далеко, а целебным является всего один.

Или по дороге на Сызрань — сколько замечательных источников: Белый Ключ, Большие Ключищи, Поникий Ключ и так далее (и вода в них прекрасная). Здесь, наверное, можно было бы почти на каждом километре объявить родник святым. Да только почему-то ни одного такого родника нет.

Да и почему так счастливо совпадало: «назначенный» родник обязательно был целебным?

Много здесь непонятного и загадочного.

Знакомясь с родниками, общаясь с людьми в поездках, я интересовался еще и тем, как правильно пользоваться святой водой. Конечно, если человек неверующий, то пей ее как обыкновенную минералку, по такой же схеме-предписанию; охлажденной или подогретой; до еды, или, наоборот, после.

Но ведь святая вода, ее использование, наверное, включает какой-то свой, особый ритуал, который дошел до нас из древних времен. Вот о нем я и просил рассказать старых людей.

Тем более, кроме желудочных болезней, вода лечит и другие. Ну, например, такие, как порча, сглаз, изурочье. Ведь сейчас, когда широко легализовались всевозможные экстрасенсы, знахари и даже колдуны, мы узнали, что такие болезни вполне могут быть. Ведь, по словам этих магов, они могут не только излечить от болезни, но и наслать болезнь, порчу на человека.

Должен сказать, что старые люди довольно неохотно раскрывают секреты таинства. И все же я из этих бесед составил некоторое представление о том, как пользоваться целебной водой.

К слову замечу, что редко в селе найдется дом, где не было бы святой воды, налитой в бутылку, банку и другую посуду про запас, — для всякого непредвиденного случая. И если такой случай приключился, непременно достают из укромного места заветный сосуд.

Старики подчеркивают, что для того, чтобы вода помогла, нужна крепкая вера.

В налитую воду кладут один или три горячих угля и, прочитав молитву три раза подряд (а лучше — девять раз), ок-

ропляют, взбрызгивают больного. (А иногда омывают больное место или дают выпить).

При обливании обязательно произносят слова, которые хорошо помню с детства: «С гуся вода, — с имярек худоба».

Оставшуюся в посудине воду не выплескивают куда попало, а выливают под притолку.

Но это лишь канва, основной ход действа, в котором могут быть различные нюансы. Так, например, утверждается, что наиболее лечебна — непитая вода, т. е. та, которую взяли из ключа или колодца на заре, когда никто из сельчан по воду не приходил.

Некоторые знахарки налитую воду перерезают ножом крест-накрест и т. д.

Святой водой лечат не только людей, но и домашних животных. Например, отелившуюся корову нередко омывают святой водой, чтоб оградить ее от всякой порчи и болезни.

Но нужно сказать, что эта вода используется не только в лечебных целях, но и в хозяйственно-бытовых.

Так, многие местные жители берут ее, к примеру, для засолки и консервирования овощей. Это надежное, беспроигрышное дело. Овощи не портятся, и крышки с банок никогда не «взлетают».

Да и в изготовлении других всевозможных пищевых изделий (даже выпечка хлеба) качество во многом зависят от используемой воды.

В общем, родники, в том числе и святые, целебные, — это бесценный дар природы, который нужно хранить, как зеницу ока. К сожалению, до недавнего времени мы не берегли их, а порой даже, наоборот, пытались уничтожить, надругаться над ними. Но сегодня — время собирать камни. Время — освобождения от того затмения, которое опустилось на нас.

И первым делом нужно родники благоустроить, оздоровить. (Наверное, в будущем около них будут построены часовни, но сейчас необходимо не дать заглохнуть серебряным ключам).

Для этого больших средств не надо. Необходима просто доброта и любовь к родной природе, желание потрудиться на благо людей. Способов возрождения родников немало, они описаны в литературе специалистами-гидрологами (кое-что я опробовал своими руками, поэтому рекомендую от чистого сердца).

Вначале нужно найти исток, то место, где подземные воды выходят на поверхность. Затем расчистить эту площадку.

Расчистив, выкопать яму глубиной 1—1,5 метра и диаметром 2—3 метра (если родник выбивает из разных мест, роют канаву). Затем покрывают углубление фильтрующими материалами: вниз кладут песок, потом слой более крупного материала — гравий, потом — щебень, на него устанавливают бетонное кольцо или опускают деревянный сруб. Снаружи к колодцу приваливают землю и утрамбовывают. На дно, чтобы не вымывало фильтры, укладывают слой крупного камня. Под стек устанавливают бетонную или деревянную колоду. (Помню из детства, у всех лесных родников, которые мне приходилось тогда встречать, были выдолблены деревянные колоды, подернутые с боков чистым мягким мхом. Около них было всегда как-то живописно и уютно).

Если родник глубинный и сильный, то вбивают трубу. Из нее выбирают грунт и затем засыпают фильтры.

Нужно еще не забыть расчистить русло, чтобы вода не скапливалась и не заболачивала землю.

Вот и все. Теперь родник обновлен и будет жить, служа верой и правдой людям. Станет спасать людей от жажды и от привязчивых недугов и болезней.

ЗВЕНИ, РОДНИК

Святых родников у нас немного. Ну, а, так сказать, простыми источниками мы пока богаты: 2030 рек, речек и ручьев питают земли нашей области. Правда, я боюсь, что эта цифра сейчас значительно меньше, так как она — десятилетней давности. А за десяток лет сколько живоносных жилок пресеклось. И должно быть, особенно пострадали студенцы, как в некоторых местах называются родники. Ведь они беспомощны, как малые дети: если большая река способна еще как-то сопротивляться уничтожению, то их погубить — ничего не стоит.

Сруби дерево там, где подземная вода выходит на поверхность, чтобы напоить нас, — и вот уж нет родничка.

Распаши рядом с ручьем землю (как будто другого места не хватает) — и вот он уже затих, поник да и вовсе иссяк.

Направь стадо вдоль родниковой поймы, и не заметишь, как вытоптанная земля, словно из-за обиды, перекроет ручей, запрет его.

Подобное варварство творится повсюду, — куда ни глянь. Наивные люди, мы думаем, что просто роднички убиваем, мы самих себя убиваем.

Недавно один ученый сделал сенсационное открытие. Работая над темой долгие годы и с помощью суперсовременных методов, он доказал, что наша цивилизация не первая, а где-то — четырнадцатая на земле. Все предыдущие погибли.

И мы тоже неудержимо мчимся к своему финалу, разрушая земную обитель. Ведь дело в том, что земля, природа — живой организм, и ей присуще чувство самосохранения. И если наступит критический момент, встанет вопрос: быть или не быть, — она просто освободится от своего разрушителя (как, видимо, уже освобождалась раньше), она просто уничтожит человека (человечество). Мы это пока до конца не осознали. Но давно уже пора бы понять... И не губить природу, а возрождать ее. И хорошо бы начать с родников...

Большинство сельских жителей, да и городских тоже, хотя бы раз, да встречались с родниками, прикасались губами к хрустальной чистоте. Хотя в больших городах, наверное, есть и такие горожане, кто за всю жизнь не сделал

ни одного глотка родникового чуда. А все время цедили, тянули загрязненную, небезопасную воду из ржавого крана. (Кстати, во многих городах сейчас начата торговля обыкновенной питьевой родниковой водой. В Петербурге, например).

Жаль таких людей. И не только потому, что они не прикоснулись к живому истоку, а еще потому, что они и проживут из-за воды меньше. Ведь известно, что одним из главных источников многих недугов является недоброкачественная питьевая вода.

Тем более у нас, где воду подают из Волги да из Свияги, которые загрязнены до предела. Например, в Свияге из-за неслыханного бактериологического и химического загрязнения уже несколько лет категорически запрещено купание. Да какое там купание-загорание, если по реке плывет сплошная инфекция и химия, разные пестициды и нитраты, если в мышцах рыбы обнаружено большое количество тяжелых металлов.

И несведующему человеку понятно: как тут ни отстаивай, ни фильтруй, — все равно многое из этого речного «богатства» оседает в организме. Да вдобавок к этой таблице Менделеева еще прибавляется довесок. Раньше воду, чтоб очистить, озонировали, сейчас поступают куда проще: добавляют в нее хлор. Да к тому же, чтобы справиться с микробами, увеличили норму в три раза. Хлор для живой клетки яд, а если он еще в тройном объеме, то и подавно. Человеческий организм постепенно разрушается.

Не потому ли у городских жителей возник прямо-таки ажиотажный интерес к родникам. В хозяйственных магазинах не найти никаких емкостей: бидонов, канистр, — все разобрали для родниковой воды.

Вспомнилось: лет десять назад, когда стал ходить к роднику в Винновскую рощу, паломников, подобно мне, было человека четыре, не больше. У ключей (их сейчас действует три) бывало за долгие месяцы не встретишь ни единой души. А сейчас, особенно в воскресные дни, выстраивается очередь: с колясками, санками, с велосипедами и просто с бидонами в руках. (А некоторые приладились носить канистры в рюкзаках, но это опасно, можно застудить легкие, вода-то студеная). Очередь, как в магазине, и напряженная атмосфера почти такая же, — перекочевала. Нет, нет да вспыхнет ссора: мол, кто-то слишком долго наливает, а кто-то вообще без очереди влез.

И при этих скандалах подмывает сказать: у чистой, светлой воды будьте тоже чистыми, не кощунствуйте. Природа

— не горторг, всех обеспечит вдосталь и совершенно бесплатно.

Три родника находятся почти рядом (иди вдоль тропинки и увидишь их). Но, несмотря на это, по вкусу вода в них разная. Раньше большей популярностью пользовался дальний, что у болотца. Но в настоящее время вода в нем стала слишком отдавать железом. И сейчас самый авторитетный — ближний от городских домов. Здесь и избушку поставили, и стёк обиходили. К третьему — пока еще у многих недоверие, раньше он был беспризорным, лишь не так давно его привели в порядок.

Но хотя родники и отличаются по вкусу, — все они, видимо, минерализованы. Издавна было известно, что многие источники в правобережье Волги (особенно в глубоких оврагах) минеральные (конечно, в той или иной степени). Наверное, даже то, что вода, когда заваривают чай, слегка мутнеет, говорит о присутствии полезных солей. А еще подтверждением этому — рассказы горожан, местных жителей, об излечении с помощью винновских источников от многих болезней.

Одну из историй я услышал от случайной попутчицы по дороге к роднику. Веселая, бодрая, со здоровым румянцем на щеках, она мне поведала, что лет пять назад ее замучили болезни, и она уже свыклась с ними и готовила себя к самому худшему. Но кто-то посоветовал ходить за родниковой водой. Начинала ходить с литровой банкой, но даже и эта посудина казалась тяжелой. Но она не отступила. И теперь болезни (и простые, и с мудреными названиями) оставили ее. Сейчас она в больницу дорогу забыла.

Думаю, что здесь помогла не только вода, но и ходьба, и свежий воздух...

Таких исцеленных немало. Поинтересуйтесь, и вам расскажут, как винновские родники помогли поправить здоровье.

Большой популярностью среди ульяновцев пользуется и другой родник — Маришка, который находится в северной части города. Он известен давно. Его любили и ценили еще наши предки-горожане XIX в.: «...вода же в Маришке, в верхнем ручье, впадающем в Симбирку, несравненно лучше и на 10.000 частей заключает 7 минеральных».

А вот другой ключ — Исаковский, в котором вода была еще целебней (на 10.000 частей — 8,5 минеральных частиц), и который находился «на полугоре в Симбирске», я так и не отыскал (а хотелось бы найти, если он жив). Зато знаю дру-

гой родник в черте города: за Карамзинской больницей, где начинаются садоводческие товарищества. Летом его воду с удовольствием пьют садоводы-любители.

О Белом Ключе, чьи колодцы тоже притягивают горожан, я уже рассказывал.

Вот и все, в основном, родники, которыми пользуются горожане. Поведав о них, я не утверждаю, что эти источники исключительно чисты (определить это — дело специалистов), ведь даже в ундоровской воде однажды были обнаружены остатки каких-то удобрений. И все же родниковая вода и на городской территории несравненно чище, чем та, которая подается из крана. А из двух зол всегда выбирают меньшее.

О родниках можно говорить долго. Знаю, в нашей области их немало. Например, никогда не улетучится из памяти, хоть и встретил его в раннем детстве, родник с ласковым, нежным названием Студененький. (Он пересекает дорогу из Криуш в Шиловку). Ручеек небольшой, но именно в нем мы с отцом наловили полную корзину жирных, отсвечивающих зеркалом огольцов. Уха получилась славной, — никогда не пробовал такой ни из волжской, ни из свияжской рыбы.

Прекрасны чуфаровские родники, о которых еще писал С. Т. Аксаков.

Замечательны родники на родине Н. М. Карамзина, особенно запомнился один, закроешь его ладонью, подождешь немного, потом уберешь руку, — и он крепкой струей вымахнет на полметра.

Удивительны родники в Барышском районе (как водится, — с красивыми, поэтичными названиями): Высокий родник, — выбивает из высокой горы, Белая береза — раньше возле ключа была древняя береза, она разрушилась, но вместо нее поднялись сразу несколько березок; Семиродники, семь родников; Сколк, пять родников, выбивающих из-под камней. Правда, имеются и некрасивые имена. Например, Вшивый родник. Но это не потому, что в нем плохая вода. Просто летом в жару он мелеет и по илу носятся водяные жучки.

Любопытно отметить, что самая густая родниковая сеть находится в бассейнах рек Хомутерьки, Бол. Яклы, Тушенки, Промзы... Нетрудно заметить, что здесь отмечены и те места, где находятся святые родники: Тушна, Сурское...

Меньше всего ключей распространено там, где почва песчаная, — в верхнем течении Инзы, Сызрана, Барыша и особенно в Заволжье. Этот природный недостаток, наверное, остро ощущают жители тех мест.

Хотя без речек, без родника живет редко кто, ведь 90 процентов сельского населения страны находится в бассей-

нах малых рек (и 50 процентов — городского).

Это скупые, сухие данные о водных источниках — из современных изданий. К слову сказать, в старых книгах живописней рассказывается о наших родниках и реках. Интересны эти данные и с точки зрения сравнения: какими реки и ручьи были раньше и какими они стали теперь. И это не для праздного любопытства, а для того, чтобы незамедлительно предпринять практические меры по их спасению.

Свияга... В каком трагическом, плачевном состоянии она сейчас, — известно. Ну, а какая она была в XIX веке?

«Свияжская вода очень мягка и чиста, но на вкус отзывается тиной; впрочем, хорошо отстоенная, она очень вкусна». Река сейчас до того загрязнена, что в эти документальные строки не верится, ведь недаром же существует грубоватый, но справедливый анекдот. Аленушка говорит Иванушке: «Не пей, братец, водицу из Свияги-реки, — в козленочка, может, и не превратишься, но копыта точно отбросишь».

В Суре, о которой шла речь, пишется так: «Сурская вода при песчаном дне реки и значительной глубине, хороша в продолжении целого года; даже во время водополи не имеет неприятного запаха и вкуса, хотя в это время мутна».

И наконец, Волга: «Волжская вода портится только во время разлива, но вообще здорова, чиста и даже мягче свияжской». Свежо предание...

Какое уж там — «здорова и чиста»! Да из нее не только напиться, к ней подойти-то опасно, когда летом она зацветает сине-зелено-буро-малиновым цветом.

В общем, из рек пригоршнями сейчас не напьешься. Для этакого питья они потеряны. А вот из родников — можно. Они пока еще в основном (хотя какое-то загрязнение имеется) сохраняют тот качественный уровень, о котором говорилось век назад.

«Особенно замечательные известковые ключи находятся в восточной части Сенгилеевского уезда, некоторые из них, прерываясь между щели и трещины в меловых камнях, отмечаются необыкновенной жесткостью, имеют цвет беловатый, хотя вода их очень вкусна, если отстоять ее, как, например, Белый ключ около с. Солдатской Ташлы...».

Кроме известковых источников, рассматриваются и другие родники: соляные, серные и железные.

«Соляные ключи наполняют всю местность при устье реки Усолки... С меньшим содержанием соли, встречаются и по всей пойме между Волгою и обрывом усольских и березовских гор до устья реки Усы».

Немного о серных ключах.

« Серные ключи находятся в Ардатовском уезде, около села Шели-Майдана; они наполняют крутые овраги верховьев речки Ламаты...».

Тогда вода серных родников широко использовалась для лечения некоторых болезней (в частности, золотухи).

Железо-соляные ключи находятся в приволжской (правобережной) части области.

«Они мало исследованы. Более известен соляно-железный ключ в с. Ундоры».

К слову сказать, и до сих пор, кроме ундоровского источника, другие родники исследованы недостаточно. Хорошо было бы, если б у каждого такого родника находился стенд, на котором в лаконичной форме были представлены данные о составе воды и правильном ее употреблении. Правда, сейчас, при всеобщем пренебрежении к природе, — это лишь маниловские мечтания.

Хотя имеются примеры и бережного созидающего отношения к нашей обители. Есть у нас удивительные оазисы человеческой доброты и постоянной заботы о родниках. (Особенно это характерно для тех мест, которые не очень-то богаты водными ресурсами). Взять, к примеру, Безводовку. Поначалу здесь тоже стали забывать о местных родниках. Да и вправду, в них вроде бы и надобность-то отпала, сейчас ведь в большинстве сел — водопроводы. Подошел к колонке, нажал на рычаг, набуравил шипящей от напора воды. И иди по тропке, пошатываясь под коромыслом. А о дальних родниках да о колодцах и ума нет, хоть и заилились у них русла, хоть и порушились срубы.

Но проснулось чувство доброты и сострадания к родной природе: ведь из этих земных водных кладезей набирались силы предки сельчан, да и сами нынешние жители в летний зной нет-нет да и пригубят водицы из родника.

Отремонтировали, обиходили селяне ключевые источники. Представляю, как стало хорошо и уютно около них. Да если еще рядом черемуха в мае расцветет (из раннего детства помню, сколько было там черемухи), то и вовсе — красота вокруг неописуемая.

Вызывает в душе глубокое уважение и работа по охране водных источников в Старокулаткинском районе. Земля здесь тоже не очень-то богата водными ресурсами (не так, как в северных районах области), поэтому жители взяли каждый источник на особый учет.

Оказалось, что из глубин земных выбивают 100 родников, столько же имеется колодцев. Вместе с речками все они

закреплены за шефами: предприятиями, колхозами, совхозами, школами.

Люди заботятся о ключах постоянно, круглый год. Но всеобщий, всенародный выход к родникам происходит в последнее воскресенье мая. Выходит почти что 100 процентов населения: и стар и мал. Сажают деревья, кустарники, очищают русла от ила и мусора, мастерят беседки, скамейки. И этот праздник воды всегда бывает счастливым и радостным. Да оно так и должно быть. Ведь люди, очищая родники, не только обеспечивают себя прозрачной, здоровой водой, но главное, — они сами очищаются душой, становясь чище, светлее и добрее. Связь здесь самая непосредственная, прямая.

К сожалению, бережное отношение к родникам можно наблюдать лишь в отдельно взятой местности. А общая картина удручающая, — высекает слезы из глаз. Многие родники пересыхают, пропадают навсегда.

В Николаевском районе с Каменной горы в Сызранку испокон веков стекало множество ключей. Но берег обвалился, и все ключи погребены под камнями.

В Цильнинском районе есть примеры, когда родники вытаптываются скотом, губятся деревья и кустарники у истоков.

Да и в любом месте (если внимательно оглянуться вокруг) можно найти родничок, где нужно приложить руки. Не откладывайте доброе дело — природа и люди будут вам благодарны. Тем более, сделать это не так и сложно: нужно очистить родничок от ила и мусора и посадить деревца (особенно у истока). Деревья подойдут те же самые, что обычно растут вдоль сельских речек: ива, ольха, лох, черемуха, калина. Но особенно неприхотливой и эффективной является ива. В этом утверждении опираюсь и на свой опыт и на опыт одного городского мальчишки.

В Ульяновске, недалеко от аптеки № 117, у одной из пятиэтажек было низкое, сырое место, где в весеннюю распутицу и осеннюю слякоть было невозможно пройти: ступишь — увязнешь по колено. И кто подсказал, надразумил этого двенадцатилетнего подростка? Или, может, сам догадался, может, такое сердце ему досталось от рождения, — раскрытое красоте и добру? В общем, сходил он на Свиягу, аккуратно вырезал ивовые черенки и принес к дому.

Сначала я не понял: что это там одинокий мальчишка копошится уже который день. А потом догадался, да это же он деревья сажает. Уже весной гладкие колья пустили роб-

кие побеги. И с каждым годом ветки становились все кудрявей.

А сейчас ивы вымахали выше пятиэтажного дома. Да и тот мальчишка стал уже, наверное, взрослым человеком. Но думается, что сердце у него осталось таким же прекрасным, как и в детстве.

И если вы тоже посадите у родника иву, люди обязательно вспомнят вас добрым словом.

Хотя, впрочем, труды ваши могут оказаться напрасными, если другие жители не будут заботиться об источниках, а наоборот, станут губить их. Часто это происходит от незнания. Поэтому следует напомнить, что в прибрежной полосе (малой реки, родника: 15—100 м) ни в коем случае нельзя распахивать территорию, на ней должен быть луг или высадки деревьев и кустарников; категорически запрещается выпас скота, строительство животноводческих комплексов. (Особенно губительно действуют на водные источники стоки свиноводческих ферм, они могут полностью вывести речку или ручей из строя). В водоохранной зоне (300—500 м) нельзя применять никакие удобрения и пестициды.

Это простые, доступные меры, которые могут сберечь природу, сберечь серебряные ключи. Ведь сегодня время возвращения к родникам. К тем, что выбивают из артезианских глубин. И к тем духовным истокам, которые долгое время были в забвении.

* * *

Как это прекрасно и спасательно, когда, изнемогая от усталости, тратя последние остатки сил, вдруг набрести на родник.

Такой случай был со мной давно, но я его хорошо помню, словно он произошел лишь вчера. С утра до вечера проблродил я по лесу в поисках грибов. Корзину набрал всклень, но устал основательно. Но главное, даже не это. А то, что в июльскую жару так хотелось пить, что за глоток воды, казалось, отдал бы все, даже — корзину с грибами.

Но родника нигде не было. И вдруг в лесной тишине ясно услышал плеск струящейся воды. Овраг был глубокий и весь заросший по пояс травой, а у самой воды и подавно — крапива в человеческий рост. Но и это меня не остановило.

Ключ оказался мелкий, да еще белый чистый песок на дне скрадывал глубину. Я напился, умылся из него. А потом в студеной струе размочил горбушку ржаного хлеба.

Такой вкусной еды я не встречал за всю свою жизнь. А кажется, что такого: хлеб да ключевая вода.

1990 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1982.

Баженов Н. Статистическое описание соборов... Симб., 1903.

Историческое описание Жадовской пустыни. СГВ (Симб. гор. ведомости), 1879, 23 февраля, № 15.

Край Ильича. Саратов, 1985.

Липский. Материалы для географии и статистики России. СПб, 1868.

Любимов Л. Д. Искусство древней Руси. М., 1981.

Максимов С. В. Куль хлеба и его похождения. М., 1985.

Максимов С. В. Литературные путешествия. М., 1986.

Мартынов П. Остатки старины. Симбирск, 1896.

Мартынов П. Селения Симбирского уезда. Симбирск, 1903.

Мартынов П. Тагай, упраздненный город Симбирского уезда.

Малый атлас СССР. М., 1975.

Наука и жизнь. № 4, 1986, стр. 32, Ю. Кумачев. «Родники под защитой».

Природные условия Ульяновской области. Казань, 1978.

Губернские, областные и районные газеты.

СОДЕРЖАНИЕ

Живая вода 5

Белая гора 12

Серебряный ключ 23

Монастырь на Самородке 33

Исцеление от изурочья 44

Звени, родник 53

Библиография 61

Дворянсков В.
Д 24 Поклонение родникам — Ульяновск: Издательство «Дом печати», 1993 — 64 с.

ISBN5-900153-24-X

В книге писателя Владимира Дворянскова рассказывается о святых родниках Ульяновской области, целительность которых опробована народом в течение веков.

Д $\frac{0503020901\text{-}46}{К\ 54\ (03)\text{-}93}$ БЕЗ ОБЪЯВЛ. ББК 26.891

Дворянсков Владимир Николаевич

ПОКЛОНЕНИЕ РОДНИКАМ

Для широкого круга читателей

Редактор Г. И. Краснюперов
Технический редактор В. П. Родин
Корректор В. Н. Машкара

Сдано в набор 9.12.92 г. Подписано в печать 18.01. 93 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага газетная. Гарнитура Журнальная.
Уч.-изд. л. 4,2. Тираж 5000 экз. Заказ 2663. Цена договорная.

Печать высокая. Усл. печ. л. 3,76. Усл. кр-отт. 3,97.
Издательство «Дом печати» Министерства печати и массовой информации Российской Федерации.
432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.

Типография издательства «Дом печати».
432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.